СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
Когда ты
СТАНЕШЬ МОЕЙ 2
Мария Высоцкая

Законы безумия

Мария Высоцкая

Когда ты станешь моей. Книга 2

«Автор»

2020

Высоцкая М.

Когда ты станешь моей. Книга 2 / М. Высоцкая — «Автор», 2020 — (Законы безумия)

Они любили и любят до сих пор, но случившееся разделило их жизни на «до» и «после», сделав чужими. Каждый теперь сам за себя, один, лицом к лицу со своей болью. Впереди их ждет целая жизнь, и только им решать, какой она будет. Кто станет победителем? Гордость, страхи или же любовь?Содержит нецензурную брань.

© Высоцкая М., 2020
© Автор, 2020

Содержание

Эпизод первый: Грань. Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 16
Эпизод второй: Новая жизнь. Глава 4 22
Глава 5 25
Глава 6 28
Глава 7 31
Глава 8 35
Глава 9 37
Эпизод третий: В сердце. Глава 10 39
Глава 11 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Мария Высоцкая
Когда ты станешь моей. Книга 2

Эпизод первый: Грань. Глава 1

Прошло два месяца с событий первой книги.

Выхожу из душного кабинета с ошеломляющим желанием бежать отсюда стирая ноги: быстро и без оглядки. Доронинский адвокат громко хлопает дверью за моей спиной, и я вздрагиваю. Саша еще внутри, и у меня есть шанс не перекинуться и словом наедине. За те два месяца, что я была в Москве, мы ни разу не виделись, не общались, и я хочу, чтобы все так и осталось. Ускоряю шаг, но почти на самом выходе кто-то с силой тянет меня назад, крепко стискивая запястье. Хотя глупо говорить «кто-то», я же прекрасно знаю, что это Доронин. Он разворачивает меня к себе, резко и довольно грубо. На лице ни единой эмоции. Вообще всю процедуру развода он сидел так, словно там не присутствовал.

– Поговорим?

– Не надо, – пячусь.

– Значит, поговорим, – заявляет безапелляционно и вытягивает на улицу.

Там, у самого крыльца, его уже ждут. Две стоящие друг за другом машины. Черные мерседесы, вокруг которых слоняется охрана, теперь ее стало больше. Он продолжает тянуть меня за руку, не обращая внимания на сопротивление. Так же засовывает в салон авто, садясь рядом. Внутри пусто, лишь мы. Все люди так и остаются там, за тонированными стеклами.

– Чего ты хочешь? Мы развелись, только что.

– Я в курсе. Слышал. Какие планы на жизнь?

– Что?

– Делать чего собираешься? Вернешься? Или останешься в Москве?

– Саш, давай не будем, все это ни к чему. Лишнее. Прошу тебя.

– Марин, ты можешь просто ответить на поставленный вопрос?

– В Москве.

– Я так и думал. Хорошо. На сегодня какие планы?

– Я улетаю.

– Ты взяла билет на послезавтра.

– Боже, Доронин, к чему все эти вопросы, если ты и так все знаешь?

– Хочу услышать из твоих уст и смотря тебе в глаза. Тебе стало легче? После еще одного штампа сегодня? Стало легче, пока меня не было?

Смотрю на него и искренне не понимаю, чего он хочет. Точка уже поставлена. Я не вернусь, я просто не смогу.

Я шестьдесят дней выла в подушку и не знала, как жить дальше. Я словно стояла на краю обрыва, мне было так больно, а он даже ни разу не появился, хотя, наверное, он сделал все правильно. Я бы не смогла вынести еще и его присутствия.

– Мне никогда не станет легче.

– Ты ошибаешься, – смеряет меня холодным взглядом.

Смотрю на свои пальцы, а после задираю голову, уставившись в потолок.

– А тебе? Как ты себя чувствуешь?

– Хреново, но это пройдет. Не сегодня и не через год, но это пройдет. Останутся лишь ужасные воспоминания.

От каждого его слова меня будто пронзают огромные иглы. Его равнодушие не знает границ. Он просто бесчувственная, каменная статуя.

– Можно я попрошу тебя об одной вещи? Он кивает.

– Съезди со мной на кладбище, – шепчу, чувствуя, как начинают подступать слезы, – я хочу, но мне кажется, просто не смогу. Одна точно не смогу.

– Когда?

– Не знаю, сегодня или лучше завтра. Я должна подготовиться, настроиться…

– Хорошо. Тебя отвезти домой?

– Как хочешь.

Доронин опускает стекло и приказывает водителю занять свое место. Дорога до дома проходит в тишине. Я смотрю на его черный костюм вскользь, а когда глаза добираются до лица, то все меньше узнаю в этом человеке моего Сашку. Он кажется чужим, холодным. Лицо, обрамленное щетиной, уложенные назад темные волосы, слегка угловатые черты… он похудел. Смотрю на его пальцы, на правой руке все еще сидит обручальное кольцо, сглатываю, сжимаю свои в кулак. Я сняла его еще в больнице, а теперь даже не знаю, где оно?!

У дома бабули мне открывают дверь, и Доронин без каких-либо вопросов идет следом. Поднимается на этаж, преследуя меня словно тень. Бабушка, которая, вероятнее всего, увидела нас в окно, выходит на площадку. Они с Сашей обмениваются приветствующими взглядами. Я же моментально оказываюсь в ее объятиях. Мы не виделись месяц, я заставила ее вернуться домой и не сидеть у моей кровати. А по прилете сегодня сразу поехала на процедуру развода.

– Девочка моя, – обнимает так крепко, так нежно…

– Бабуля, – всхлипываю, чувствуя Сашкин взгляд на своей спине.

– Саша, зайдешь? – бабушка смотрит на моего бывшего мужа, убрав руки в карманы халата.

– На пару минут.

Закрываю глаза, втягиваю воздух. Нужно потерпеть всего пару минут. Пару…

На кухне Доронин достает из портфеля какие-то бумаги и кладет их на стол.

– Что это? – поднимаю взгляд.

– Документы на квартиру, машину. Номер счета, там лежит вот эта сумма, – указывает в графу пальцем.

– Зачем?

– Ты отказалась от всего имущества, сказала, что тебе ничего не нужно, и я решил позаботиться об этом сам.

– Мне действительно не нуж…

– Продай, подари, распорядись как хочешь. На счет каждый месяц будет поступать энная сумма. Чтобы ты ни в чем не нуждалась.

Бабушка ставит на плиту чайник, шебуршит коробкой с тортом и испаряется из кухни.

– Спасибо, щедро с твоей стороны.

– Не начинай, ладно?! Я пойду, позвони завтра, я заеду, чтобы, – короткая пауза, – ты поняла.

Доронин разворачивается ко мне спиной, делая шаг в сторону прихожей.

– Саш, – вдогонку.

Он останавливается, медленно поворачивая голову.

– Я ушла не потому, что разлюбила. Ты же это понимаешь?

Доронин проходится по мне режущим на куски и пугающим до дрожи в коленях взглядом.

– Я просто не могу так жить, так, как это делаешь ты. Я просто хочу, чтобы ты знал, что я…

Сашка, как по щелчку, пересекает расстояние между нами, зажимая мой рот. Надавливает на губы, а второй рукой огибает талию, крепко упираясь в нее ладонью.

– Ничего не говори, – шепотом, – ни-че-го, – опускает руку.

Между нами нет расстояния, и я чувствую тепло его тела, запах туалетной воды застревает в легких, озираюсь по сторонам с желанием отстраниться.

– Прости меня, – все же произношу это вслух.

– Тебе незачем извиняться, не перед таким, как я, – его ладонь исчезает с моей талии, – позвони завтра.

С этими словами он выходит из квартиры, а в кухне тут же появляется бабушка.

– Марин, ты уверена, что поступила правильно? Ты же любишь

его.

– Люблю, но и так жить больше не могу. Я устала бояться. Бояться

и думать, что в любой момент появится тот, кто с легкостью нас пристрелит. Не хочу, – вытираю слезинки, выступившие из глаз, – не смогу. В итоге я просто его возненавижу. И это будет уже навсегда.

– Чай попьем? – бабуля поджимает губы.

– Да, – сажусь на стул и, подковырнув чайной ложечкой кусочек торта, перевожу взгляд на окно.

Утром следующего дня я смотрю на свое отражение в черном платье. Смотрю долго и пристально. Смотрю с пониманием, что в голове нет ни единой мысли, там пустота и отчаяние. Боль вновь окутывает разум, медленно трансформируясь в физическую. Мне сдавливает грудь, и начинает адски болеть голова, зажимаю виски, прикрывая веки. Дверной звонок оповещает о Сашкином приезде. Не хочу впускать его в квартиру. Накидываю плащ и, повесив на плечо сумочку, выхожу на площадку.

– Привет, – облизываю сухие и обветренные губы.

Саша кивает, направляя меня к лестнице, едва касаясь пальцами моего локтя. На улице ветрено и дождливо. Мелкая морось, от которой меня спасает раскрытый над головой зонт. В машине мы продолжаем это неловкое молчание. Каждый думает о своем. Смотрю на проносящиеся за окном пейзажи и покрываюсь ледяным потом перед въездом на кладбище. Мне страшно, так страшно переступить эту черту, кажется, еще немного, и я сорвусь со своего обрыва, где стою лишь на хрупком камне, который вот-вот раскрошится в пыль.

Доронин сжимает мою ладонь, но я практически сразу вырываю ее резким и неуклюжим движением.

Тропинка кажется узкой, и я шагаю по ней, как по минному полю. Иду, пока перед глазами не появляется огромный мраморный памятник. На нем лишь одна дата и надпись: «Наш ангел». Долго смотрю на буквы, свежепринесенные цветы, игрушки, понимая, что начинаю задыхаться. По-настоящему, когда не можешь сделать вдох, когда голова кажется свинцовой, а тело тянет к земле. Хочется упасть на колени и рыдать, долго, пока не станет легче хоть на немного. Совсем на каплю. Живот сводит от резких болей, во рту привкус желчи, сглатываю и не вижу уже ничего. Слезы катятся по щекам, застилая обзор. Я плачу, не произнося и звука. Немое рыдание и редкие тяжелые вдохи. Доронин не подходит, стоит где-то позади, но, когда меня ведет и я начинаю терять равновесие, он молниеносно подхватывает под локти, крепко прижимая спиной к своей груди.

– Пойдем, Марин, – поворачивает лицом, проводя ладонями по волосам, – идем.

Отрицательно качаю головой, вцепляясь в его плечи, начиная завывать. Вот теперь я слышу свой голос, надрывный, сломленный, похожий на карканье ворон. Я захлебываюсь слезами, колени подгибаются, и меня с неимоверной силой тянет вниз.

Не знаю, как я оказываюсь в комнате, просто не помню этот момент. По щекам все еще катятся огромные соленые слезы, я облизываю губы и не могу вдохнуть. Мне нечем дышать. Мне так больно.

– Все, все, – стискивает стальными объятиями, – успокойся.

У него грубый, громкий голос. Он раскачивается со мной из стороны в сторону, а после резко замирает, не давая шевельнуться.

– Хватит!

Я вздрагиваю, начиная икать. Поднимаю голову, смотря в его широко распахнутые глаза. Они кажутся темными, словно ненастоящие. Всхлипываю, а он проводит пальцами по моей щеке.

– Улетай в Москву, – губы касаются моего виска, – меняй билеты и улетай завтра.

Отрицательно мотаю головой, растерянно оглядываясь по сторонам.

– Где мы?

– Что? – резко поднимается на ноги.

– Куда ты меня привез?

Смотрю в окно на ровно высаженные ели.

– Я теперь здесь живу.

– Понятно. Красивые елки, – прижимаю колени к груди, упираясь спиной в кожаный диван.

Доронин растирает лицо ладонями, трет голову, растрепав уложенные волосы, и вновь садится рядом.

Смотрю на его спину и неосознанно тянусь к плечу. Касаюсь ладонью, медленно проводя вдоль позвоночника. Сашка напрягается, я вижу, как его руки сжимаются в кулаки, как белеют костяшки. Сглатываю и подаюсь вперед, упираясь коленями в мягкую поверхность. Обвиваю плечи, прижимаясь грудью к его спине. Мне до ужаса хочется его объятий, его силы. Хочется хоть на миг забыть обо всем, что произошло. Хочется этой убивающей все живое близости.

Мне страшно.

Саша оборачивается, ловит мои запястья, разводя руки в стороны, и резко отпускает. Кончики пальцев касаются моей груди, обводят напряженный и уже вздыбленный сосок. Он смотрит мне в глаза, не отводя взгляд. Трогая живот, и медленно перемещая ладонь на бедро, скользит по темному капрону, ныряя под подол платья, и медленно тянется ко мне. Между нами остается пара сантиметров.

– Поцелуй меня, – говорю шепотом, не разрывая визуального контакта.

Доронин едва-едва улыбается, подтягивая к себе, обхватив затылок ладонью. Я чувствую его мягкие губы, язык, проникающий в рот, он словно слизывает с моих уст горе и боль. Поступательными, медленными движениями. Тело расслабляется, а пальцы лишь крепче впиваются в материал его пиджака. Боль отступает, на какие-то доли секунд мне кажется, что он действительно ее забирает. Обнимает так крепко, так искренне. По-настоящему.

Всхлипываю, зарываясь в грубые, темные волосы, опрокидываясь на спину. Саша нависает, упираясь кулаками по обе стороны моей талии, поднимает ладонь, обводя полушария груди, сдавливает, высвобождая легкий, срывающийся с губ стон.

Закрываю глаза, чувствуя его прикосновения, слыша, как бьется сердце, гулкие громкие удары в унисон.

– Не плачь, – его шепот, пальцы, стирающие влагу со щек, – не плачь.

И вновь поцелуи, волнующие воображение, горячие, трепетные, разрывающие на миллионы частиц. Обвиваю его ногами, скрещивая лодыжки, тянусь к твердой груди, сбивчиво и второпях расстегивая мелкие пуговицы темно-синей рубашки.

Вздрагиваю от напористых прикосновений, они растекаются по бедру и выше, касаясь белья. Треск капрона и холодные подушечки пальцев, скользящие по точке возбуждения, растирающие и в ту же секунду сдавливающие клитор до едких, распаляющих тело мурашек.

Каждое движение наполнено скрытым смыслом, успокоением. Крепкие объятия, напор губ, рук, воздух, скапливающийся в груди и вырывающийся криком из легких, когда грань

стирается и кажется, что все хорошо, что ничего не произошло и нам лишь приснилось. Боль отступает, сменяясь теплом, наивным, искренним, но в то же время обманчивым.

Наши судьбы бьются, словно тонкий хрусталь, а сердца трещат по швам, все меняется, сейчас, здесь, и теперь уже точно нет пути назад. Нет и не будет. Это последняя встреча, последнее тепло, последние поцелуи. Наглые, развязные, поглощающие в себя все живое поцелуи.

Приподымаюсь на локти, вцепляясь в его плечи, словно в спасательный круг, а Сашкины руки уже давно стянули мое платье, нагло подбираясь к черному кружеву.

На плечах красные следы от лямок и многогранных поцелуев. Это похоже на сон, сон наяву. Именно так.

– Моя любимая, родная…

Вдыхаю его запах и не могу надышаться. Дрожа расстегиваю бляшку ремня, сжимая окаменевшую плоть. Доронин пригвожает мои руки к дивану, сдавливая в запястьях, запрокинув их за голову.

Развожу ноги шире, испытывая сумасшедший страх, но вместе с тем полное подчинение. Головка упирается в бедро, смещается, медленно погружаясь в лоно. Короткий всхлип, и его ладонь под моей спиной.

Глаза в глаза, когда каждый вдох, прикосновение наполнено запредельной нежностью.

Распаляющие движения, но все еще ускользающие ощущения. Эмоции, множество эмоций. Они перенасыщают, не дают сорваться в бездну происходящего. В глазах слезы, по коже поцелуи, а на сердце шрамы.

Доронин отстраняется, тянет на себя, вынуждая сесть. Губы поочередно обхватывают тугие соски, играя с ними языком. Влажная дорожка до ключицы, по шее к щеке.

– Александр Никола…

Шум и раскрытая дверь заставляют опомниться, сжаться в комок и плотно зажмурить веки.

– Пошел вон! – громкий, озлобленный голос.

Хлопок двери словно выстрел. Оглядываюсь, цепляясь пальцами за валяющееся рядом платье, прикрывая им грудь. Нервно касаюсь ладонью лба, поджимаю губы, намеренно отводя взгляд. Сашка шумно выдыхает, трет переносицу и, вытянув руку, сжимает мои скулы, довольно грубо поворачивая к себе.

– Не надо, – запинаюсь, начиная кашлять. Разжимает пальцы, отворачивается.

– Мне лучше уйти, – поднимаюсь на ноги, в спешке натягивая белье, платье.

Беру рваные колготки и, скомкав, бросаю в мусорную корзину. Приглаживаю растрепанные волосы, боковым зрением наблюдая за Дорониным. Он застегивает ремень, накидывая на плечи рубашку.

– Извини, – выдавливаю улыбку, – я пойду, – проскальзываю к двери, касаясь ручки, и Саша кладет свою ладонь поверх моих пальцев.

– Я провожу.

Мы спускаемся по лестнице. Молчим. Внизу Доронин подает мое пальто, сжимая плечи и целуя в затылок.

– Саш, – оборачиваюсь, но он останавливает, направляя лицом к выходу.

– Не надо, иди. Тебя отвезут.

Во дворе уже стоит машина. Я чувствую его прикосновения, легкие касания вдоль спины, к локтю, огибающие талию. Раскрытая ладонь ложится на мой живот, нос упирается в висок, и я на миг прикрываю глаза.

– Звони, если будет нужна помощь, – шепчет и резко отстраняется, так, будто и не касался никогда.

Сглатываю и, пошатнувшись, убираю за ухо прядь волос. Мне холодно, до ужаса холодно. Прощаться тяжело. Слишком тяжело. Возможно, я бы могла остаться, могла все вернуть, мы

могли вернуть, но мне страшно. Я не хочу жить в страхе, не хочу бояться каждого шороха, не хочу думать о том, что однажды он просто не вернется.

Меня колотит от одной мысли, что мне придется пережить еще чью-то смерть, я не смогу. Просто не выдержу.

Моя ненависть еще не иссякла, она просто уснула, ей нужна была передышка, но сейчас, когда я оглянулась на звук каблуков и заметила женскую фигуру, она возродилась вновь.

Ненависть, ревность – они смешались воедино.

– Саш, я купила шубку, – яркая улыбка, – смот… – и окаменение.

Анфиска шумно втянула воздух, смотря прямо в мои глаза. Рука, в которой она держала пакет, дрогнула, и черный мех выпал на землю.

Как он мог? С ней? После всего… не обращая внимания на Мартынову, резко разворачиваюсь к Доронину, но на его лице ни единой эмоции.

– Два месяца, – облизываю губы, давясь смехом, – я думала, что сдохну, а ты был с ней? Боже! – улыбаюсь, широко, чувствуя вкус своих слез. – Ну ты и мразь, – стискиваю ворот его рубашки, – у тебя ребенок умер! Ребенок! – ору, срывая голос. – Как ты мог? Я тебя ненавижу, слышишь?! Ненавижу. Почему на его месте не оказался ты? Почему ты не сдох?

Кричу и, согнувшись пополам, приседаю к земле, сжимая пальцами виски. В моей голове это не укладывается, ничего из этого не укладывается. Он был с ней, трахался с другой бабой, пока я была в этой чертовой больнице. У него же горе, какое к черту горе?! Ему плевать. Всегда и на все было плевать.

– Марин, я… – Мартынова подает голос.

– Рот закрыла, – он даже не смотрит на нее, – и пошла вон.

Анф сглатывает, ее глаза бегают по мне, Доронину, она бросает пакеты и, звонко стуча каблуками, вылетает за высокий забор.

Выпрямляюсь, стараясь выдохнуть.

Доронин стоит, играя желваками, он напряжен. Глаза бешеные, но он даже не оправдывается, просто молчит. Смотрит, впивается в меня взглядом и молчит.

– Не стоило ее выгонять. Некрасиво как-то получилось, – касаюсь его плеча, – вот теперь точно все, – хлопаю по твердой груди и сажусь в машину.

Глава 2

Я смотрел на нее, маниакально отмечал каждое движение, взмах ресниц, поворот головы, ползущие вниз уголки губ, растерянные и слегка влажные глаза. Я пропускал все ее эмоции через себя, боль, слезы, истязание. Она въелась в кровь, мысли, жизнь. Она была и останется там навечно. Меня трясло вместе с ней, было страшно.

Ты не признаешься в этом сумасшедшем страхе, но поглощен им полностью.

Ей больно, и она не может справиться с этой болью, пережить. Но она сильная, моя Марина сможет, просто нужно время.

Она хотела ранить, побольнее сковырнуть медленно затягивающуюся рану. Это читалось в ее глазах. Она хотела моей боли, чтобы иметь возможность управлять своей. Для нее я бесчувственная машина. Она в это верит, верит в то, что говорит. Искренне верит, что мне все равно, что я не сожалею.

Пальцы дрожат. Смотрю на ее заплаканное лицо и не вижу больше ни черта вокруг. Только ее глаза и всю ту боль, обиду, которая там таится. Она вновь протаскивает меня, связанного по рукам и ногам, через терновник, забывая хоть иногда сбавлять скорость.

Два месяца ада. Самого настоящего, когда ты мечешься, совсем не понимая, кто друг, а кто враг. Тебе больно, а как иначе, если тебе наживую вырвали сердце?!

Я знал все, что с ней происходит. Слышал ее истерики в записи, зацикливая их по кругу. Слушал и понимал, что ничего уже не будет, это конец. Я, как последний трус, не смог переступить черту, не смог увидеться с ней. Прилетал, сидел под дверью палаты и каждый раз уходил, так и не взглянув ей в глаза. У меня не хватило смелости, может быть, где-то даже совести.

Мы согласовали наш развод сразу, как только она выписалась. Это было Маринино решение, жесткое, волевое, которое я уже вряд ли бы смог изменить.

Все время, что ее не было рядом, я лез на стены днем, мочил направо и налево неугодных, мстил, все больше погрязая в крови. Ставил цели и точно знал, к чему стремлюсь. Но все это было днем, ночью я нюхал и бухал, много, так чтобы вырубиться и ни черта не вспомнить наутро.

Поэтому о том, как эта дура оказалась сегодня в доме, не имел и малейшего понятия. Как узнал после, она живет здесь уже месяц. Эта шлюха ошивается здесь тридцать дней, а я даже не осознаю, как так получилось. Охрана показала пару записей из дома, как я ее трахал. Но я этого не помню, ни черта не помню. Впрочем, это не освобождает от ответственности.

Зажимаю пальцами переносицу, смотрю на Маринкины слезы. Хочется ее остановить, встряхнуть и попытаться объяснить, вот только смысл? Разве ей это нужно? Она приняла свое решение, не сегодня и не вчера. Я умер для неё уже давно, а сегодня, окончательно и бесповоротно закапал свою могилу, возведя крест.

Сжимаю пальцы в кулаки, когда машина скрывается за воротами особняка.

Вот теперь точно все, повторяю про себя ее же слова…

– Где эта дура? – спрашиваю у стоящего за спиной Глеба, нового начальника охраны.

– Найти?

– В гостиную ее приведи.

Взбегаю по лестнице и, зайдя в дом, подкидываю в камин дров.

– Саша, я не хотела, – это первое, что слетает с ее губ, стоит Глебу зашвырнуть ее сюда.

Она пятится назад, быстро перебирая ногами. Ей страшно, это чувствуется в каждом слове, жесте. Еще шаг, спина прилипнет к стене, и отступать будет некуда.

– Я правда не знала, что Марина здесь, я не собиралась никуда лезть… слышишь?

– Правда? – сжимаю ворот ее розовой рубашки. – А может быть, ты врешь? – бровь по инерции ползет вверх, и я тяну ее тряпки на себя. Пуговицы гроздями летят на пол, разлетаясь по паркету.

– Нет, нет. Правда, я тебе клянусь, слышишь? Саша, я не хотела, чтобы так вышло.

– Чего ты вообще здесь делаешь?

–Ты не помнишь? – всхлипывает. – Меня мать из дома выгнала, я же рассказывала…

– Да мне по*уй, – разжимаю пальцы, вытирая их о пиджак и отталкивая от себя ее тело.

Убираю руки в карманы, слегка запрокидывая голову назад.

Сажусь в кресло. Глаза касаются оранжевых языков пламени камина. Закидываю ногу на ногу, пробегая взглядом по растерянной Анфискиной мордахе.

–Хорошая шуба, – подношу зажигалку к зажатой в зубах сигарете, – долго отрабатывать придется.

Мартынова растирает по лицу слезы, но ответить мне не успевает.

Лукьян забегает в гостиную со словами:

– Партия стволов ушла, – замолкает, пробегая взглядом по Анф. – Она опять здесь? Когда ты ее уже вышвырнешь?

Пожимаю плечами.

–Зря ты осталась, – в упор смотрю на Анфиску, – за это время ты могла услышать то, что не предназначено для твоих ушей.

Марат скалится, доставая ствол.

–Мы ее здесь? Или как?

–Убери, бл*, ковер же запачкает.

Мартынова давится слезами и, подавшись вперед, падает на колени у кресла, в котором я сижу.

–Я ничего не знаю, ничего не слышала, не видела. Я клянусь.

Слышишь. Я правда ничего не знаю…

–А я в этом не уверен. Марат, вот ты ей веришь?

– Не очень, – трет рукояткой ТТ подбородок.

– Вот и я.

– Саша, я же, я же… – она озирается по сторонам, воет в свои ладони, после чего резко наклоняется, загаживая пол. Ее выворачивает на паркет, снова и снова.

– Да уберите уже ее отсюда. Глеб!

– Будет сделано.

– И далеко не отпускай, наверху заприте. Не уверен, что эта дура не взболтнет где-нибудь лишнего.

Лукьянов выходит из гостиной, и я иду за ним следом. Обогнув лестницу, попадаем в бильярдную.

– Не думал, что ты дашь ей развод, – достает кий.

– А что, мне ее в доме запереть?

–Ну… – смотрит наверх, – Мартынову…

– Не сравнивай. – Почему не сказал, что эта тут в качестве мебели?

– Думаешь Маринка бы поверила? Я себе сам уже не верю. К чему обострять и делать из неё дуру. Что с ментами?

– Все ровно.

– Всех взяли?

–Всех.

– Хорошо. Значит, будем действовать. Я хочу сделать это в Аккордовском доме, символично получится.

– Эстет херов. Ладно. Я понял.

– Сколько у нас Ломовских жизнеспособных осталось, из тех, кого взяли?

– Пять.

– Шума нет? А то такая волна самоубийств…

– Нормально, я приплатил кому надо.

– Хорошо. Я тут думал про местный нефтеперерабатывающий завод, Ломов был у них в доле, а мы чем хуже? Да и перспектив там столько…

–Что предлагаешь?

– Есть одна идея, если получится, нам понадобится юрист и платежеспособный гарант, будут нужны инвестиции.

Марина.

Смотрю на засыпающий город через запотевшее стекло машины, вытирая слезы. Как он мог? Все еще не верю в то, что видела. А ведь он даже не пытался оправдаться, сделать хоть что-то… он просто стоял и смотрел.

В Москве еще с неделю не могу заставить себя выйти из дома. Постоянно плачу, жалею себя и одновременно ненавижу за эту слабость, ничтожность. Я должна научиться жить дальше, как бы плохо и горько мне ни было. О Доронине больше ничего не слышно, совсем, и это ни черта не радует, а как меня может радовать, что любимый человек способен жить без тебя? Быть с другой, пока ты умираешь изо дня в день, ненавидишь ночь, потому что она вытаскивает на поверхность все твои страхи, парализует, заставляя повиноваться.

Боль живет во мне постоянно, и неясно, сколько это продлится. В город медленно приходит лето. Жаркое, солнечное. Отец пытается вытянуть меня на улицу, но я живу лишь работой, прихожу туда раньше всех, ухожу позже. Жизнь превращается в сплошной день сурка, и он мне нравится, с недавних пор новизна пугает, как и люди. Я же давно заметила, что боюсь новых знакомств.

– Марин, может, в кино сходим? – папа заглядывает ко мне в комнату воскресным утром, на нем серые брюки и заправленная в них белоснежная рубашка с коротким рукавом.

– Не хочется, – отрицательно мотаю головой, упираясь глазами в книгу. Уже час не могу прочесть второй абзац, перечитываю, не в состоянии уловить суть. В мыслях я совершенно не здесь, в мыслях я в прошлом, которое из раза в раз перекликается с вымышленным будущим. Сказочным, ненастоящим, тем, которое никогда не настанет.

– Марин, ну так нельзя.

Тяжелой папин вздох явно прогнозирует долгую беседу, диалог, который был между нами уже сотни раз.

– Пап, я разберусь сама, хорошо?

– Конечно разберешься, но разве, не стоит прислушаться? Сколько можно сидеть в четырех стенах? Жизнь на этом не заканчивается, слышишь?

– Я поняла.

Поднимаюсь с дивана, закрывая книгу с громким хлопком и откинув на стол, прихватываю оттуда маленькую черную сумочку на тоненьком ремешке, выскальзывая за дверь в прихожей.

Очень долго гуляю по городу, просто хожу размеренным шагом, стараясь не думать ни о чем. После полудня забегаю в небольшое кафе, несколько столиков в котором расположены под открытым небом, теплый ветер ласкает кожу, развевает волосы, и те прилипают к накрашенным помадой губам. Присаживаюсь на стул, подзывая официанта. Приветливый парень почти сразу приносит мне мое мороженое и сок.

– Девушка, – раздается позади, заставляя кожу покрыться мурашками.

Оборачиваюсь на голос, который принадлежит мужчине в военной форме. Ему слегка за тридцать, четыре ярко блестящие звездочки на погонах привлекают к себе внимание, и я на мгновение прикрываю глаза, наконец обращая взор к его лицу.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – свожу брови и не могу вспомнить, – разве мы знакомы?

– Нет, но я бы очень хотел это исправить. Константин, – браво улыбается. – Я присяду? – усаживается напротив, не услышав мой ответ.

–Вы уже присели, – закидываю ногу на ногу, – честно, у меня нет желания к новым знакомствам, простите.

– Ну может быть, вы хоть скажете, как вас зовут?

– Если скажу, вы уйдете?

–Возможно, – обнажает белые зубы, поправляя фуражку.

–Марина.

– Очень красивое имя, морское.

–Вы моряк?

– Так точно.

– Что забыли в нашем не морском городе?

– Командировка, второй день как приехал.

– Откуда?

– Из Владивостока.

– Никогда там не была.

– Мы всегда это можем исправить.

– Мне кажется, вы обещали оставить меня одну, если узнаете мое имя?

– Обещал и выполняю, – достает из нагрудного кармана блокнотик и, нацарапав что-то ручкой, протягивает мне вырванный листок, – буду ждать вашего звонка, Марина.

– Я не позвоню, – пожимаю плечами.

– Я все же верю в удачу. Надеюсь, что мы еще увидимся.

– Прощайте, Константин.

– До свидания, Марина.

Закатываю глаза и, смяв листок, хочу оставить его в пепельнице, но в последний момент почему-то все же кидаю его в сумку.

Домой возвращаюсь в приподнятом настроении, впервые за долгое время я думаю о чем-то кроме своих трагедий и проблем. Поднимаюсь на этаж, а открыв дверь и увидев черные лакированные ботинки, застываю как вкопанная. Из кухни доносятся голоса, делаю шаг и резко останавливаюсь. Нет, нет… почему сегодня, сейчас?

Сашкин голос становится ближе, и через секунду он оказывается стоящим напротив меня в другом конце коридора. Смотрю на его лицо и не могу оторвать глаз. У него, как и всегда, цепкий взгляд, темный, завораживающий и одновременно до жути пугающий. Переминаюсь с ноги на ногу, не в силах выдавить из себя хоть слово. Доронин убирает руки в карманы, изучающе бегая глазами по моему телу.

–Ты похудела… еще больше.

– Зачем ты приехал?

– Были дела, решил зайти в гости.

– Не думаю, что тебе тут рады…

– Ты сейчас говоришь о себе? Твой отец устроил мне более чем радушный прием.

– Ухо….

Не успеваю договорить, как папа, вышедший вслед за Сашкой, берет с полки ключи от дома и, обойдя меня стороной, молча выходит из квартиры. Предатель, хочется крикнуть ему это вслед.

Не смотрю на Доронина и, не проронив больше и слова, захожу в свою комнату, конечно, он придет сюда за мной. Придет, усядется на диван, что, собственно, и происходит за моей спиной, пока я, стоя перед зеркалом, снимаю сережки, укладывая те в шкатулку.

Сашка смотрит на мое отражение, а после резко выпрямляется и в пару шагов пересекает разделяющее нас расстояние. Кладет ладони на мою талию, подвигает к себе, громко втягивая воздух рядом с моим виском. Его губы едва касаются кожи, а я словно зачарованная, стою и не могу пошевелиться, оттолкнуть, сказать хоть что-то, меня будто ввели в транс, внутри я кричу, вырываюсь и яро желаю, чтобы он ушел, внешне же больше похожа на неприступную ледяную статую, которая только и смогла, что вздернуть правую бровь.

– Я так хотел тебя увидеть. Очень хотел тебя увидеть, – шепотом, перебирая пальцами пряди моих волос.

– А как же Мартынова? Уже не удовлетворяет? – искривляю губы, желая уколоть побольнее.

По Сашкиному лицу скользнула усмешка, и он резко отдернул руку, поворачиваясь ко мне спиной. А разве не ты хотела все закончить? Не ты решила, что так будет правильнее? К чему сейчас устраивать драму?

– Доронин, ты пришел в мой дом, хочешь чему-то меня поучить, выказать, насколько я виновна, говоришь, что соскучился, а сам все это время спишь с другой бабой, даже живешь с ней. Не это ли странно? Я ушла, потому что этого хотела. Хотела все изменить, и сейчас хочу того же, зачем ты приехал? Я тебя не ждала, не жду, пойми это наконец. Теперь у каждого из нас своя жизнь. Если тебе нравится, то мне нет дела до того, что в ней присутствует Анф, нет. Но прошу тебя, не нужно меня мучить, не приходи, не появляйся здесь больше. Слышишь?

Саша растирает лицо ладонями, поддевая висящую на спинке стула сорочку пальцами, ухмыляется и, отбросив тряпку на диван, резко повернувшись, начинает наступать.

Именно наступать, хищно, бесшумно, словно пума. Сглатываю, упираясь бедрами в тумбочку. Дыхание учащается, как и биение сердца.

– Не подходи, – говорю громко, но спокойно, я вижу, как его глаза застлала темная пелена, улавливаю еле ощутимый запах алкоголя…в таком состоянии он способен на все что угодно, более того, именно таким он сюда и приехал, просто я совсем не заметила это сразу. Он взвинчен, выпил, зол, явно на нервах, и способен на любую глупость.

– Саша… – вытягиваю ладонь, упираясь ему в грудь, но он беспрепятственно отводит ее в сторону, продолжая наступать.

– Зачем ты делаешь это с нами? Иногда я готов задушить тебя голыми руками за твое упрямство. Чего ты хочешь? – шепотом, проводя языком по мочке уха.

Меня охватывает паника, смешивающаяся со сладкой дрожью предвкушения. Каждое его прикосновение опаляет, тихий голос сводит с ума, заставляя терять рассудок, я путаюсь в собственных мыслях и желаниях, а он продолжает ласкать, медленно спускаясь к шее. Руки с силой притискивают к себе, пальцы нагло пробегают по бедру, задирая подол платья. Хочу отшатнуться, но он не позволяет, только смотрит так, словно готов сожрать, прямо здесь, сейчас.

– Не трогай… меня, – сглатываю вставший горле сухой ком, – не смей, – внутри начинается паника.

– Тебе нравится, я это вижу, чувствую. Я всегда тебя чувствую.

– Не надо, – с надрывом.

Я не хочу, действительно не хочу этого. Это жестко по отношению ко мне, бесчеловечно.

–Замолчи! – стискивает мое тело, резко разворачивая к себе затылком, – молчи, – хаотичные миллионы поцелуев на спине.

Платье трещит по швам, и стоит ему рвануть ткань, как она разлетается на лохмотья, оставляя меня в одном белье.

– Я не хочу, слышишь, не трогай! Уходи! Не надо, не надо…

Глава 3

Выстрел. Пистолет с глушителем всегда хорош, просто выстрел без предшествующих ему истязаний. Я не преследовал желания мучить, скорее, избавить. Кого? Себя в первую очередь. Как бы он ни помогал, что бы ни говорил, все равно настал бы день, когда этот человек с такой же легкостью приставил бы дуло к моей голове. Я опередил. Оказался расторопнее.

– Уберите здесь все, – кидаю столпившейся охране, снимая черные кожаные перчатки.

Комната пребывала во мраке и гробовом молчании.

Запрокидываю голову, смотря на высокий потолок с огромной хрустальной люстрой. Аккорд любил жить на широкую ногу, подмечаю давно известный факт и выхожу во двор. Марат выпускает в небо дымок, стряхивая пепел с тлеющей сигареты, и медленно проводит ладонью по крыше мерседеса.

– Зажигалку дай, – протягиваю руки и, получив желаемое, поджигаю перчатки, кидая их на землю, – поехали, здесь мы закончили.

– Сильно сопротивлялся?

– Это же Борька, какое сопротивление?

Лукьян смеется, открывая мне дверь в машине.

– Ты надолго в Москву?

– Решить пару дел.

– Поделишься?

– Пока это только мысли, будет результат, будут слова.

– Понял, – кивок и прищуренный взгляд через зеркало дальнего вида.

В Москве, как и собирался, встречаюсь с парочкой перспективных инвесторов, владельцем банка «Заря», в народе Жорой Финансистом, и Грузином, криминальным авторитетом родом из Тбилиси. Обсуждаем насущное. Сейчас мне необходима мощная поддержка со стороны, месяц назад мы с Лукьяном закончили передел завода, теперь он наш по всем документам. Несогласных уже не найти, да и вряд ли станут искать. Но вся загвоздка в том, что для его работы, а нам необходимо, чтобы он работал, нужны инвестиции. Получением которых я сейчас активно занимаюсь.

Разговор кажется нудным, с подоплеками, десятым дном и жестким осадком. За все время работы на Аккорда я почти не общался с синими, теперь приходится ступать наугад, используя исключительно хитрость, смекалку и мозги. Хотя с недавних пор я вынужден отчасти жить по понятиям, нынешний статус, к сожалению, обязывает.

Сговорившись на всех устраивающей схеме, покидаю ресторан. Заезжаю в бар, накидываясь вискарем по старой схеме, даже легче что Маратика нет рядом, его вечные жужжания по поводу моих отношений с алкоголем стоят поперек горло.

Москва кипит жизнью, а жизнь у меня ассоциируется только с одним человеком. Как она там? Этот вопрос преследует меня постоянно, не дает выдохнуть…

Смотрю на часы, самолет только завтра, а впереди пустой вечер и ночь. Прошу Глеба заехать по продиктованному адресу. Пятиэтажный дом, окруженный еще десятком таких же, школа совсем близко, почти во дворе, играющие на площадке дети и невыносимая жара.

Взбегаю вверх по лестнице, звоня в дверь. Бывший тесть не колеблясь впускает меня на порог, много говорит, слишком много. От его болтовни становится душно. Он меня не переваривает, я это вижу по глазам, не переваривает, но терпит. Уверен, что, если я верну Марину, ей станет легче, переживает за дочь, но не считается с ее мнением.

Разливает чай, устраивая для Маринки ловушку, она мне не обрадуется, скорее, наоборот, впадет в ярость. Дверь в прихожей закрывается с харектерным шумом. Поднима-

юсь на ноги, выходя в длинный коридор. Баженова стоит вцепившись пальцами в свою сумку. Смотрит, изучает, но молчит. А когда открывает рот, хочется отмотать все обратно, закричать, чтобы замолчала, не смела говорить все это.

Не могу слушать ее обвинения, теперь почему-то не могу, я сотни раз крутил случившуюся ситуацию, приходил к сотне таких же выводов, а сейчас, смотря ей в глаза, понимаю, что во всем произошедшем есть и ее вина. Видимо, я сдаю. Веду себя как слабый, поджавший хвост шакал, обвиняя во всем бабу. Смешно и противно от одних только мыслей. Подаюсь вперед, но она мгновенно скрывается в комнате, как и ее папаша, тут же умыкнувший в подъезд. Хотя поступок последнего мне импонирует.

Раскидываю руки по спинке дивана, упираясь глазами в Маришину спину, тонкую талию, округлые бедра, чувствуя прилив похоти. Член подергивается, забирая у мозга право голоса. Я слишком давно ее не видел, не прикасался.

Какого черта я сюда приперся? Зачем? В сотый раз задаю себе этот вопрос, смотря на нее в упор. Она хочет, чтобы я ушел, и, наверное, где-то в глубине души мой разум твердит подобное, но это слишком далеко, почти не ощутимо. Она все то же наваждение…

Злюсь, каждое ее слово размазывает, заставляет вновь и вновь погружаться в агонию, впрочем, она стала слишком постоянной. Как хищник, отслеживаю каждое ее движение, каждый жест, легкий взмах ресниц, пропитываясь ей. Шаг, ровно шаг, чтобы пересечь расстояние, и вот она рядом, близко, настолько, что я могу коснуться ее рукой. Потрогать мягкую, нежную кожу, вдохнуть родной аромат, где-то в этих странных, животных движениях и зарождается ярость. Лютая, подавляющая сознание ярость, когда хочется плоти, и плевать, каким образом, когда все проблемы уходят слишком далеко и остается маниакальное, чудовищное желание разврата и похоти, словно они могут на время излечить то, что так болит. Сердце.

Хватаю ее запястья, тяну на себя, кусаю мочку уха, задирая подол платья в приступе злости. Слышу ее всхлипы, вздохи, вырывающиеся из груди просьбы, но не реагирую, не могу, словно организм вынужден отработать программу.

Марина ударяется бедрами о тумбочку, разворачиваю ее спиной к себе, разрывая платье, треск ниток запечатывается в сознании, но я продолжаю трогать ее тело, каждый изгиб, плечи, плоский живот, полную грудь, розовые манящие соски, мне необходимо ее подчинение, это похоже на шизу, сумасшествие.

Дергаю застежку лифчика, ткань оставляет на ее коже красные отметины, а из легких вырывается крик, расстегиваю ширинку, прикрывая глаза, но когда распахиваю веки, почти сразу встречаюсь с Мариной взглядами в неподалеку стоящем зеркале.

Мокрое, выпачканное в слезах и искаженное болью лицо. Испуганные, огромные глаза, они полны неверия в происходящее. Марина смотрит затравленно, кусает губы, упираясь в поверхность деревянной тумбы руками. Голая грудь вздымается, и теперь я четко ощущаю это ладонями, медленно убирая руки. Уткнувшись лбом в ее дрожащую спину, едва-едва дотрагиваюсь губами.

– Прости, – отстраняюсь, снимая с себя пиджак, набрасывая на

Касаюсь плеч, вынуждая выпрямиться. Закутываю в черную ткань хрупкое, содрогающееся от истеричного плача тело.

– Прости, я не хотел, – прижимаю к себе, осознавая, что ей плевать на все, что я здесь говорю, ей нет никакого дела. – Марина, – встряхиваю, – посмотри на меня, Марина!

Баженова сглатывает, медленно запрокидывая лицо. Хочется отшатнуться, потому что там выжженная земля и кромешная тьма. У нее пустой взгляд. Делаю шаг назад и, разжав пальцы, выпускаю ее из своих рук. Марина оседает на пол, завороженно смотря в одну точку. Несколько секунд полной тишины.

– Пошел вон, – скидывает с плеч пиджак, – убирайся отсюда, сейчас же.

–Прости меня…возвращайся, пожалуйста. У меня ничего не было с Мартыновой, слышишь, я не могу без тебя. Просто не могу, Марин…

– Уходи, Саша. Марина.

Смотрю на его ноги где-то на уровне колен и молюсь, чтобы он сдвинулся с места, вышел из комнаты. Я не ожидала, не думала, как… как он мог? В голове настоящий ад, неверие, страх, боль. Зачем? Порывы злости накрывают все с новой и новой силой, меня штормит. Тошнота, зарождающаяся внутри, истязает, вытираю слезы, растирая их руками по лицу. Он хотел меня изнасиловать, именно так, и по- другому это уже не назовешь. Человек, которого я люблю… любила. Как такое только могло прийти в его голову? Почему? Сколько он еще способен принести боли и отчаяния в мою жизнь? Когда это закончится?

Доронин тяжело дышит, каждый его вздох ударяет по натянутым словно струны нервам.

–Уйди.

–Марин…

– Я не хочу тебя слушать, и видеть не хочу, убирайся! Вон!

Скрип половиц, зажмуриваюсь и слышу хлопок входной двери. Обнимаю себя руками, подползая к дивану. Все еще продолжаю вытирать слезы, тянусь к сумочке, вытаскивая из нее пачку длинных дамских сигарет. Дурная привычка, привязавшаяся с больницы. Нервно чиркаю колесиком зажигалки, смотря на разгорающуюся оранжевую точку. Крепко затягиваюсь, выдыхая дым в пространство спальни, начиная икать.

Срываю с дивана покрывало, закутываясь в него, сидя на прохладном паркете. Отец не пришел, и я надеюсь, что не придет еще долго.

В спешке вытряхиваю содержимое сумки, шаря руками в поисках мятого блокнотного листочка. Отыскав, разворачиваю, вчитываясь в нацарапанные на нем шариковой ручкой цифры.

Подползаю к тумбочке со стоящим телефоном, набираю номер и затаив дыхание слушаю громкие гудки.

–Алло.

–Здравствуйте, – неосознанно хлюпаю носом, – Константин?

–Да.

–Это Марина, помните?

– Марина, конечно помню.

– Вы были правы, я все же решила вам позвонить.

–Я очень рад. Марина, у вас все хорошо? Голос грустный.

– Нет, все хорошо, – киваю, словно он сидит передо мной, – тяжелый день.

–Понимаю. Может быть, прогуляемся вечером?

–Да, было бы неплохо.

–Хорошо, тогда говорите, где встретимся, я подъеду.

–Давайте в том же кафе, где познакомились.

– Договорились. В семь?

–Да, в семь. До свидания.

–До свидания, Марина.

Вешаю трубку, а сердце готово выпрыгнуть из груди. Крепче завернувшись в покрывало, направляюсь в душ, по пути смывая окурок в унитаз. Шерстяная ткань падает к ногам, и я переступаю бортик ванны, включая теплую воду. Струйки стекают по телу, вдыхаю чувство уверенности, отмываю кожу, натирая ее до красноты губкой, выжимая из той как можно больше пены.

Обмотавшись полотенцем, сушу голову, стоя перед зеркалом, завиваюсь, надеваю короткое васильковое платье, игнорируя бюстгальтер, туфли на высоком каблуке, и, перекинув ремешок сумки через плечо, выскальзываю на площадку. Папа как раз поднимается по лестнице. На лице недоумение.

–Ты куда?

– Гулять.

– А Сашка где?

–Не знаю, – пожимаю плечами, широко улыбаясь.

После произошедшего во мне словно что-то перещелкнуло. Раньше я жила с болью и сожалениями, но сегодня наглядно поняла, какой же была дурой. Жалела, и ведь в первую очередь не себя… его. В глубине души я так за него боялась, переживала, любила… а сейчас, сейчас он словно открыл мне глаза, позволил взглянуть на все под другим углом, вновь вернул мне мою ненависть, а за ней пришло и безразличие.

Забежав в автобус, крепко сжимаю поручень, наблюдая за мелькающими городскими пейзажами, в метро сижу с закрытыми глазами, пытаясь вышвырнуть из головы произошедшее, как жаль, что это не так просто. Абсолютно не просто.

У кафе замедляю шаг, замечая Константина издалека. Надеваю на лицо улыбку, подкрасив губы и взглянув на свое отражение в окне, подхожу ближе.

– Здравствуйте, – останавливаюсь ровно за его спиной.

–Марина, шикарно выглядите.

Мужчина оборачивается, поднимаясь на ноги.

– Спасибо.

–Это… это вам, – протягивает букет из пяти алых розочек.

Вдыхаю цветочный аромат и присаживаюсь на отодвинутый для меня Константином стул.

–Я так рад, что вы позвонили.

– Может быть, на «ты»?

– Конечно, – улыбается, принимая из моих рук цветы и ставя те в принесенную официантом вазочку.

– Значит, ты моряк? – делаю глоток апельсинового сока. Капитан-лейтенант, – салютует мне аналогично наполненным стаканом.

Доронин.

– Саня, хорош бухать!

Знакомый голос, еле доносящийся через марево отчаяния и литры алкоголя. Разлепляю глаза, озираясь. В кабинете темно, плотно задернутые шторы не пропускают дневной свет, на столе пепельница с тлеющей сигаретой, дымок которой вьется в воздухе под тускло горящей лампой. По правую руку початая бутылка водки. Упираюсь ладонями в ручки кресла, откидываясь на высокую кожаную спинку, чувствуя тошноту.

– Слушай, завязывай, – Марат садится на край стола, отгребая в сторону бумаги, те валятся на пол с нервирующим шумом.

–Тихо ты, – прищуриваюсь, сводя брови.

– Завтра встреча с банкиром, а ты на ногах не стоишь. Мне, что ли, туда ехать?

– Погоди, это же завтра, – ухмыляюсь, – я сейчас еще выпью и буду огурцом.

– Ага. Завязывай, сказал, – забирает со стола бутылку, – в душ вали.

– Ты с кем разговариваешь? Страх потерял? – тянусь в ящик стола, доставая ствол и направляя тот на Лукьяна. – Я тебя здесь пристрелю, понял?! Вон пошел.

– Придурок, – Марат отталкивается и, швырнув папку к моим ногам, широким шагом идет к двери.

– Сука! – давлю на курок, и выстрелив, опускаю руку.

На выстрел сбегается охрана, Марат матерится. Пинаю валяющиеся у ног бумаги и, перешагнув через них, наливаю в стакан водки. Замахнув содержимое в себя залпом и положив ТТ на стол, пересекаю кабинет, касаясь пальцами дыры от пули в стене.

Лукьянов вылетает в коридор, хлопнув дверью, продолжая отборно материться, Глеб же, потирая лоб костяшками пальцев, оценивает обстановку.

– Александр Николаевич…

– Вышел отсюда.

Кивок, и долгожданная тишина. Остаюсь один, вновь и вновь отлетая на несколько месяцев назад. Под ладонями ее плечи, в ушах крики и слезы. Почему? В миллионный раз задаю себе вопрос, не дающий покоя: как я мог? Зачем? Но ответов нет до сих пор. Содеянное не отмотать назад, не стереть из памяти, с этим приходится жить.

Боль нарастает с каждым вздохом, каждой прожитой секундой. Сожаление, никому не нужное самоистязание и плавящиеся внутренности. Меня пошатывает, я почти не осознаю происходящее, вижу лишь размытые силуэты, отдергиваю штору, тяну с силой, так что карниз падает на пол, перешагиваю, присаживаясь на подоконник, и протягиваю руку к стоящей на нем бутылке текилы. Отлично.

Сворачиваю крышку, прежде чем в кабинет влетает сестра. На ней распахнутый длинный ярко-красный пиджак и черное облепляющее фигуру платье. Открыв дверь, Людка застывает, опускает сжатую в кулак ладонь, тяжело вздыхая. Медленным шагом обходит кожаный диван, присаживаясь на самый край.

– Нравится? – закидывает ногу на ногу, вздернув идеальную черную бровь.

– Чего?

– Спиваться? Я вижу, ты втянулся, – ехидно смотрит на бутылку в моих руках.

– Отвали, – делаю глоток, жидкость прокатывается по горлу, ткани которого уже совершенно не реагируют на горечь.

– Слушай, долго ты еще будешь себя жалеть? – усмешка. – В кого ты превратился? Не мужик – тряпка.

Сжимаю стоящую рядом рюмку, и стекло хрустит под пальцами, разрезая кожу. Капли алой крови бесшумно капают на паркет.

– Встала и…

– А Баженова, между прочим, – растопыривает пальцы, любуясь маникюром, – мужика себе нашла, пока ты здесь травишься. Даже успела свалить с ним из Москвы.

– Что? – разжимаю руку.

Люда внимательно смотрит на лежащие под моими ногами осколки и, сглотнув, переводит взгляд к моему лицу.

– То… улетела она, в новую жизнь, Санечка, в новую и счастливую жизнь.

– Куда?

– Я без понятия, знаю только, что в Москве ее больше нет.

– Подожди, когда?

– Три месяц уже как.

– Почему ты раньше…

– Я говорила, но ты в своем запое маму не узнаешь… щелк, и с каждой новой рюмочкой все меньше воспоминаний.

– Сука, – подношу окровавленный кулак к губам, чувствуя сладковатый привкус железа.

– Вот-вот, – пожимает плечами, – завтра последняя встреча с инвестором, ты должен там быть, иначе всю работу, которую мы проделали, можно будет смыть в унитаз.

Киваю, смотря в одну точку.

– Вот и хорошо, – поднимается, подходя ко мне вплотную, – а это, – хлесткая пощечина, на которую я почти не реагирую, – за Марата. Не смей, понял? – острые ноготки впиваются в распахнутый ворот моей рубашки. – Ты не Бог и ничего не решаешь, ясно тебе?

– Купи мне билет в Москву, вечером вылетаю, – говорю, не обращая внимания на ее вопли.

– Вот и отлично.

Сестра уходит, стук ее каблуков отдается резкой болью в голове, делаю еще глоток и, настежь распахнув окно, выбрасываю почти целую бутылку на улицу. Охрана мгновенно реагирует на шум, и из-за дома выплывает фигура в черном костюме.

Отшатываюсь от подоконника, направляясь в душ, шаркая ногами по полу.

Долго смотрю на свое отражение, заросшую щетиной и опухшую рожу. Полчаса стою под холодным душем, чтобы хоть как-то прийти в себя, но если бы все было так просто…

В гостиную спускаюсь чисто выбритым, в новом вытащенном из чехла темно-синем костюме. Люда, похлопав в ладоши, ставит передо мной чашку черного кофе и усаживается в кресло напротив.

– Молодец, – касается ноготком циферблата часов с брильянтовой огранкой, – через час выезжаем, и я прошу тебя, не бухай больше.

Эпизод второй: Новая жизнь. Глава 4

3 года спустя…

– Господин губернатор, господин губер…

– Без комментариев.

Глеб мгновенно заслоняет журналистам обзор, охрана создает небольшой живой коридор, ведущий к машине. За закрытой дверью и тонированными стеклами чувствую облегчение, если его можно назвать таковым. Откидываюсь на спинку, наблюдая за ошалевшей толпой с камерами и микрофонами. В районе творится полный беспредел, заводы встают один за другим, денег не платят, народ звереет, до меня тоже долетает.

Сам не до конца отдаю себе отчет в том, как оказался там, где я есть сейчас. После того как мы провернули все дела с заводом, хотелось выдохнуть, но азарт и авантюризм просто не позволяли сидеть сложа руки. Мне было необходимо в кратчайшие сроки сосредоточить в своих руках как можно больше власти, чем я и начал активно заниматься.

Первый предвыборный этап был жестким, моя кандидатура не была идеальной, но зачастую в таких вопросах многое решают деньги, пропаганда и черный пиар своих конкурентов[1].

– Александр Николаевич, – подает голос Паша, мой водитель, – там… беда, – протягивает телефон, снимая машину с нейтралки.

Беру трубку с настороженностью и отчетливым пониманием, что я там услышу. Это тянется уже год, когда-то должно было выстрелить, так почему бы не сегодня? Ведь я уже давно научен жизнью и прекрасно осознаю, что этот проклятый снаряд готов упасть в одну и ту же воронку десятки тысяч раз. Крепче стискиваю пластик под ладонью, вслушиваясь в каждое сказанное слово. Выдыхаю.

– В больничку, – бросаю водителю, параллельно набирая Глеба, – Марата мне найди, – говорю без каких-либо эмоций прорезавшемуся в трубке голосу.

Какого черта? Год, целый год я возил ее по клиникам, принудительно лечил, но все было бесполезным. Она из раза в раз возвращалась туда, откуда мы начинали. Врачи психотерапевты, ненависть, попытки покончить с собой – и больше ничего. Если человек не хочет чего-либо сам, то уже не выплывет…

В палате темно, там плотно задернуты шторы.

Сажусь напротив, медленно рассматривая бледную, синюшную кожу. Она кажется слишком тонкой, почти прозрачной. Вены усеяны дырами и давно почернели. Растираю ладонями лицо, понимая, что так больше просто не может продолжаться.

– Что ты с собой делаешь? – шепотом, смотря на свои загорелые руки, сжимая пальцы в кулаки, наблюдая за напрягшимися мышцами.

Касаюсь безымянного правой руки, медленно проводя вдоль белесого шрама на полфаланги. В тот день я наконец-то снял обручальное кольцо, но вместе с ним чуть не оставил в нем полпальца. Не стоит играть с холодным оружием, когда слишком зол.

– Чего приперся? – хриплый голос возвращает в реальность.

Поднимаю взгляд. Люда облизывает сухие губы. Из груди вырываются потоки неконтролируемого кашля, которые она пытается унять, закрывая рот ладонью.

– Увидеть, как ты сдохнешь, – смотрю на нее в упор, – даже кое-что принес, – вытаскиваю из кармана десятиграммовый пакетик, – презент.

– Пошел ты, – сквозь зубы.

– А что? Тебя выпишут, и ты сразу побежишь за дозой, так зачем ждать? Давай прямо сейчас, – кидаю принесенный «подарочек» на ее тумбочку, – я прослежу, чтобы тебя уже не откачали. Сделаю сестренке последний подарок, – поднимаюсь, вытаскивая из брюк зажигалку и шприц.

– Давай, – кивает, – я буду только рада.

– Самонадеянно.

Подхожу к столику напротив кровати и провожу несколько нехитрых манипуляций. Наполняю шприц, спиной чувствуя ее демонстративную отрешенность. Она отвернулась к окну, сложив руки на груди.

– Готово, – поднимаю шприц иглой вверх и нажимаю на поршень, высвобождая воздух.

– Так коли давай, – разгибает локоть, нервно смеясь.

Пересекаю разделяющее нас пространство и не колеблясь делаю укол. Людкины зрачки расширяются, словно в замедленной съемке, а на губах застывает пластиковая улыбка.

– Минут десять у нас еще есть, – смотрю на часы, выбрасывая шприц в ведро, – расскажешь напоследок, что с тобой происходит?

– А тебе есть до этого дело? До чего-то, что не касается денег? – морщит лоб, кожа которого покрывается складочками.

– Иначе меня бы здесь не было, – подтягиваю стул, садясь очень близко.

– Я убила человека. Вот этими руками, – завороженно смотрит на свою ладонь, – понимаешь?

– Прошло много времени. Да и очень сложно подогнать Аккорда под определение – человек.

– А разве это что-то меняет?

– Ты всегда могла об этом поговорить со мной или с Маратом, ты же с ним спишь.

– Разве вы поймете? За каждым из вас море трупов, вы давно уже утонули в крови. Как вы можете меня понять? Мне больно, понимаешь? Я не знаю, зачем я вообще живу. Деньги, дома, машины, бизнес? Ничего не хочу, ничего.

– Ты сама это выбрала, много лет назад, ты сама дала себе зеленый свет.

– Хреновая из тебя, братик, группа поддержки.

– …но это не значит, что ты одна. Не смей думать, что ты одна. Ты молодая, красивая баба…

– У Лукьянова любовница. Ей восемнадцать лет. Он мне изменяет, Саша. Я думала, что на прошлый Новый год он сделает мне предложение, а он даже ночевать не пришел. Понимаешь?

– Ты это переживешь.

– Так, как пережил ты? – ухмыляется, а в глазах слезы. – Так я точно не хочу… ты до сих пор за ней следишь.Прошло три года, как она ушла, спит с другим мужиком, а ты продолжаешь быть в курсе того, что происходит в ее жизни. Разве это нормально? Разве ты живешь настоящим?

– Думаю, сейчас это не имеет значения. Потому что мы-то с тобой знаем, что через пару минут все закончится.

Люда кивает, откидывается на подушку, поднимая взгляд к шторам.

– Открой окно, впусти свет.

Делаю, как она говорит, наблюдая за тем, что происходит на улице.

– Что ты скажешь маме?

От этого вопроса по спине бежит неконтролируемая волна ледяных мурашек.

– Правду. Скажу, что у тебя был передоз.

– Она же не переживет, – растерянно качает головой, – как она с этим справится? Я же… я же, мамочка моя… родная. А если ей станет плохо, если это убьет ее… Саша…

Оборачиваюсь, делая несколько шагов к постели, завороженно наблюдая за сестрой. Заплаканный взгляд, стучащие друг о друга зубы, подрагивающие конечности и дикий ужас в глазах.

– А раньше, разве раньше ты об этом не задумывалась? Стой, конечно нет, ты всегда знала, что тебя найдут, откачают и вернут домой. Ты маниакально из раза в раз хотела привлечь внимание, таким гадким, эгоистичным образом. Ты не думала ни о ком, кроме себя. С самого начала ты думала только о себе. Мама справится, она сильная, в отличие от тебя.

Люда подается вперед, вцепляясь в мое предплечье.

– Позови врача, слышишь? Я не хочу. Не хочу умирать. Позови врача. Я буду кричать…

– Никто сюда не придет, – скидываю ее руки, – ты добилась того, что хотела. Нужно уметь отвечать за свои слова и поступки.

– Пожалуйста…

– Пять раз за год, тебя откачивали пять раз, Люда, – свожу брови, – ты так стремилась к этому, наслаждайся моментом.

– Прости, прости меня, Сашенька, – пытается ухватиться за мой пиджак, завывая и размазывая по лицу слезы.

Отхожу подальше, открывая кран с водой.

– Прекращай ныть и не ори, – ополоснув руки, вытираю их жестким вафельным полотенцем, – это были витамины. Еще раз ты выкинешь что-то подобное, отправишься в морг. Поняла меня? – кидаю в нее это самое полотенце, выходя из палаты.

Во дворе ослабляю галстук.

– Глеб, ты Лукьяна нашел?

– Пока нет.

– Ищи. Он мне нужен. Вытащи его из-под земли.

---

[1](С 1995 года почти все губернаторы стали избираться населением путем прямого голосования. 1 июля 1997 года последним российским губернатором, утвержденным главой государства, стал руководитель Кемеровской области Аман Тулеев.

6 октября 1999 года был принят федеральный закон "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ", который отменил право президента назначать руководителей регионов и установил единые правила проведения всенародных выборов. С этого времени главы субъектов РФ избирались на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Исключением оставался Дагестан, главу которого избирало Конституционное собрание республики.)

Глава 5

На улице солнце. Смотрю на небо через окно учительской, слыша звонок. Уроки кончились, но я не чувствую потребности оказаться дома. Хочу задержаться, подольше посидеть над тетрадками, поразмышлять.

Жизнь стремительно изменилась, эти три года открыли новые горизонты, помогли пережить прошлый сценарий, найти ответы, успокоиться. Эти месяцы научили терпению, принятию. Я смогла не просто смириться, а отпустить произошедшее. Было тяжело, больно, каждый новый день давался мне сложнее предыдущего. Я плакала ночами, закрывшись в маленькой ванной нашей квартирки, вновь и вновь прокручивая в голове прошлое. Так продолжалось больше года. Более трехсот шестидесяти пяти дней я ломала себя, тянулась к солнцу, жизни. Наверное, во многом я должна сказать спасибо Косте. Он стал для меня тем, кто научил смотреть в будущее. Тем, кто не понаслышке знает, что такое терять близких.

Крепче стискиваю ручку и, разжав пальцы, кладу ее на стол. Смотрю на ровно разлинованные строки и закрываю тетрадь. Меня ждут дома. Улыбаюсь отражению в зеркале, оно висит над небольшим диванчиком, и убираю тетради в сумку. Подкрашиваю губы, надеваю черное пальто и выхожу в просторный школьный коридор.

Домой иду пешком, неспешно прогуливаясь по зеленому парку. На улице весна. Все вокруг благоухает и напитывает тебя энергией, хочется дышать полной грудью, улыбаться, быть счастливой.

Но я и так счастливая. Я радуюсь каждому дню, живу моментом, дышу.

Оказавшись у нашей трехэтажки, поднимаюсь по слегка крутым ступенькам, попутно выуживая из кармана ключи.

Открываю дверь и, поставив сумку на комод, снимаю туфли, чувствуя облегчение. В глубине квартиры слышен шум телевизора, вешаю пальто на плечики и, немного помявшись на коврике и пересиливая себя, делаю шаг навстречу звукам.

Заглядываю в дверной проем, наблюдая, как Саша завороженно смотрит в кинескоп, играя в денди и полностью игнорируя мое присутствие.

– Ты ужинал? – подаю голос, заранее понимая, что мой вопрос останется без ответа.

Сжимаю левое запястье, немного впиваясь в него ногтями. Еще несколько секунд жду хоть какой-то реакции, но, конечно же, ее не последует.

В кухне ставлю на плиту пузатый ярко-красный чайник и сажусь на табуретку, в очередной раз ощущая неподъемное чувство вины. Когда мы познакомились с Костей, он очень долго не говорил, что у него есть сын, а спустя полгода сделал предложение. В тот сложный для меня период я не понимала, что творю и отдаю ли отчет своим действиям. Мое согласие очень не понравилась бабушке, но в итоге она смирилась. У нас не было свадьбы, мы просто расписались в местном загсе. Я улетела с Костей во Владивосток и лишь спустя месяц узнала, что у него есть сын, все это время он жил в Ялте с бабушкой, Костиной мамой. Но чем больше проходило времени, тем сильнее ухудшалось ее здоровье, а когда год назад ее не стало, мы забрали ребенка сюда. Я, как полная дура, хотела понравиться, готовилась, пыталась найти общий язык, проникнуться, но все мои попытки были тщетны.

Конечно, мальчик, не знавший свою мать, переживший смерть бабушки – самого близкого ему человека, летел сюда к отцу, а не к отцу и незнакомой бабе. Я это понимаю, но и чувствовать себя пустым местом больно.

Когда Костя дома, Саша делает вид, что все прекрасно, улыбается, не перечит и никоим образом не показывает своего ко мне отношения, но стоит нам остаться с ним вдвоем, как из раза в раз я напарываюсь на ледяную стену неприязни и отчуждения.

Еще и имя-то какое – Саша. Кажется, оно преследует меня на протяжении всей моей жизни.

Вздрагиваю от шума кипящего чайника и, поднявшись на ноги, достаю глубокую салатовую кружку. Завариваю зеленый чай, положив пару сушеных листочков мяты, вдыхая наивкуснейший аромат.

Оставшееся время проверяю тетрадки, постоянно посматривая на большие висящие над столом часы. Костя возвращается в девять, уставший, вымотанный сутками. Быстро разогреваю ужин, интересуясь работой, рассказываю какие-то глупые повседневные вещи, улыбаюсь, чувствуя в его ответах тепло. Мне нравится этот человек, с ним я живая. Настоящая. Я не люблю его так, как это было с Дорониным, но очень уважаю. Уважаю за стойкость духа, характера, за понимание, доброту. У нас нет сводящей с ума страсти, скорее сплошной рационализм, но, наверное, это именно то, чего мне так не хватало. Обыденности, холодной головы…

– Санька все играет, выкину эти его картриджи.

– Он же ребенок, – сажусь напротив мужа, подавая салфетку, – пусть развлекается.

– Ужин бы лучше помог тебе приготовить, а он дурью мается.

– Кость, ты перегибаешь, ему всего девять лет.

– Вот и пусть привыкает, а то растут лодыри с малолетства. Ты, Марина, его не жалей, а побольше нагружай делами. Не маленький уже.

– Давай мы будем чуть-чуть мягче, – касаюсь широкого мужского запястья, – хорошо?

– Ладно, – с полуулыбкой, – хорошо.

Поужинав, Костя закуривает трубку, набив ее табаком, я же быстро ополаскиваю тарелки, вновь заглядывая в комнату к Саше.

– Может, все-таки покушаешь?

– Конечно, – широко улыбается, аккуратно положив джойстик на пол и выключив телевизор, – но я только чай с бутербродом, – проскальзывает мимо меня.

– Ладно.

На кухне Костя сразу начинает читать сыну нотации, пугая тем, что в следующий раз он просто останется без своей игрушки.

Закатываю глаза и режу белый хлеб, стараясь абстрагироваться от этих разговоров.

– Держи, – ставлю тарелочку и наливаю чай.

– Спасибо, тетя Марина, – произносит это четко и довольно громко, так чтобы это слышал отец.

При нем мальчик всегда ведет себя как шелковый, в его же отсутствие превращается в сатану.

– Вы тут поболтайте, а я бабуле позвоню.

В комнате достаю из трюмо мобильный, набирая бабушку. В этом городе мой телефон валяется в дальнем углу дома, потому что, приди я с ним на работу, сплетен потом не оберешься. Да и знакомых, у которых есть сотовые, можно пересчитать по пальцам. Да даже сам Костя не слишком лояльно относится к этой штуке.

Он знает детали моей прошлой жизни. Знает, кем был и, наверное, является Доронин, знает, как я жила, впрочем, я этого и не скрывала. Да и как тут скрыть, если по прилете в этот город я почти сразу поняла – будет сложно. Сложно жить на офицерскую и учительскую зарплату, сложно не видеть свои заработанные деньги месяцами, потому что в стране, оказывается, происходит такое, о чем раньше я даже не догадывалась. Слышала, но никоим образом с этим не сталкивалась. Я всегда жила в достатке. Отец старался ради семьи, его слово имело вес, да и зарплата сильно отличалась от получаемых простым офицером рублей.

Да и когда я вышла замуж за Доронина, то абсолютно не знала отказа, ни в чем. У меня было все, что я только могла пожелать, Сашка не любил экономить, и я быстро подсела на его образ жизни. Только вот расплата за это оказалась куда больше…

Когда я только прилетела в наш военный городок, я столкнулась с такой реальностью, которая все это время была для меня лишь словами. Я была наслышана, что людям тяжело, знала, что происходящее вокруг заставляет голодать, экономить, но не думала, что когда-нибудь столкнусь с этим. Да, у меня был счет, счет, куда ежемесячно переводились деньги. Но я боялась их трогать, боялась, что если я вновь позволю себе это, то непременно придет расплата.

Кровавые деньги, деньги, несущие лишь боль и разрушение.

Глава 6

– Маринка, – Нонна приподнимается, расставляя руки по разные стороны, – наконец-то мы встретились.

– И не говори, – присаживаюсь за столик, закидывая ногу на ногу. Пальцы на автомате поправляют короткие волосы.

Два года назад я впервые подстриглась почти под мальчика, хотела перемен, но теперь отчетливо могу сказать, перемены не в длине волос, они в нас.

Нонна тушит в пепельнице сигарету, а я стискиваю зубы. Давно бросила эту дурную привычку, но иногда рука сама так и тянется к этой гадости.

– Ломает? – подружка издает тихий смешок.

– Нет, – прищуриваюсь, а после растягиваю губы в широкой улыбке.

– Давай выпьем.

– Что за повод?

– А нам нужен повод?

– Не знаю, – пожимаю плечами.

– Ну раз тебе нужен повод, он будет. Самир сделал мне предложение.

– Да ладно?! Нонночка, я тебя поздравляю.

– Спасибо.

Киселева подзывает официанта, а я невольно вспоминаю, как мы с ней познакомились. Это было на втором месяце моей жизни в этом городе. Ее дочь попала в мой класс, маленькая восьмилетняя девочка, очень сильно отличавшаяся от других, за что ее часто дразнили. У девочки были проблемы с речью, и Киселева, конечно же, пришла в школу за скандалом. Ее не устраивала травля ребенка, в чем я с ней была солидарна. Позже Линду перевели в другую школу, но мы с Нонной не перестали поддерживать отношения, медленно трансформирующиеся в дружбу.

Нонка тоже была приезжей, сбежала от московских проблем, в которые ее впутал муж. Он был игрок. Она пыталась ему помочь несколько лет, но он не хотел этой помощи. Влез в огромные долги, с которых и началось колесо проблем, от угроз до реальных действий, таких как поджог квартиры и избиение мужа до предсмертного состояния. Она боялась за дочку, себя, прекрасно понимая, что человек не изменится, он просто не хочет. Зависимость стала гораздо сильнее его самого.

В Москве она работала психиатром в частной клинике, и это давало ей возможность таскать мужа по врачам, когда она еще верила в то, что может все исправить.

Первое время нашего общения я очень боялась того, что она невольно поставит мне диагноз. Кто-кто, а я точно не похожа на вменяемого человека. Может быть, внешне этого и не заметно, но внутри творится полный крах.

Мне понадобилось немало времени и усилий, чтобы это понять. Разобраться в себе и тех ужасах, которым я открыто поспособствовала.

Первым стала беременность, желанная, маниакальная. На тот момент мне было необходимо о ком-то заботиться. Доронин делал для меня все, но очень редко был рядом. Он жил своей жизнью, той, которой я всегда опасалась. Той, в которую не хотела вступать изначально. Я нуждалась в человеке, которому буду дарить свою любовь, пока Сашка завоевывает мир. А когда поняла, что даже с этим у меня проблемы, погрузилась в депрессию, которая мгновенно переросла в манию. Я больше не чувствовала себя полноценной. Я настолько ушла в себя, что в какой-то момент осознала одно – я не смогу сделать его счастливым. Это убивало.

Изначально все дело было лишь во мне. Это я хотела всего и сразу, я была безалаберной дурой, живущей в райском саду, не зная проблем. Если бы тогда я не села в самолет, то все

могло бы сложиться иначе. Малыш остался бы жив, но даже это не было бы гарантией того, что трагедия бы нас миновала.

Это сложно принять, смерть – это всегда больно, а когда эта кровь на твоих руках, больнее вдвойне.

После операций, реабилитации я часами смотрела в одну точку, сидя в огромной белоснежной палате. Я так его ждала, так хотела его присутствия, но он не приходил, и я придумала себе, что так, наверное, даже лучше. Продолжая каждое утро ждать прихода врача, который скажет: там ваш муж пришел. Но никто ничего не говорил.

Доронина не было, а все свои порывы позвонить ему я заталкивала куда подальше. Это было моей ошибкой, а может быть, и спасением. Пока я была в больнице, в его доме поселилась Мартынова. Она вовремя вошла в его жизнь, как и обещала мне когда-то. Ведь тогда она была во всем права, она сможет принять все те ужасы, которые происходят в его жизни. Она сможет, а я не смогла, как она и обещала. Увидеть ее, понимая, что он спал с ней, пока я торчала в больничной палате, прямой путь к саморазрушению. Я ненавидела себя за содеянное, его – за то, что изменил. Изменил, пока мы были мужем и женой. Уже тогда я была готова повернуть назад. После кладбища в его доме, после развода, все казалось пустым. Все мои обиды и истерики. Обнимая его в кабинете, чувствуя его тепло, я знала одно – я не смогу улететь. Просто не смогу без него.

Но все получилось иначе. В том, что произошла трагедия, виноват каждый из нас. Конечно, моя вина больше, не будь я такой дурой… хотя сейчас сокрушаться о прошлом бессмысленно…

Мне жаль, что все вышло именно так. Я наказала сама себя и также с лихвой наказала Доронина.

Может быть, Анфиска тоже была моим наказанием за глупость и трусость? Не знаю…

Но простить предательство у меня не было сил, даже несмотря на то, что где-то я сама подтолкнула его на тот путь. Когда Сашка приехал в Москву, я хотела его проигнорировать, точно решив, что пора отпустить произошедшее и его самого в первую очередь. Быть вместе тогда было равно мукам для обоих. Но он не хотел принять мое решение, сорвался, злился, попытался совершить то, о чем потом бы жалел. Это стало отправной точкой. Гранью, которую мы перешли в наших страданиях. Исправлять уже было нечего, мы все разрушили. Сами.

– Мариш, ты чего застыла? – Нонна касается моей руки, сводя черные бровки.

– Задумалась, – выдыхаю, – поздравляю еще раз, – сжимаю ножку бокала, – счастья вам.

– Спас-и-и-ибо.

Звон стекла и тихая музыка. Тепло, разливающееся по телу. Оглядываюсь по сторонам, замечая людей, ощущая бурлящую жизнь. Во мне она тоже кипит, эта жизнь, или же я вновь ее для себя придумываю.

До десяти мы сидим с Ноннкой, отмечаем ее предстоящее замужество, смеемся. Дома меня встречает Костя, которого я считаю другом. Хорошим, надежным другом. Прошло три года, но я так и не почувствовала в себе хоть чего-то похожего на любовь женщины к мужчине. Нет. Он это чувствует, я знаю. Возможно, вскоре все это закончится, а пока мы отчаянно цепляемся друг за друга, наслаждаясь комфортом и безопасностью.

– Как посидели? – Костя помогает мне снять пиджак, вешая тот в шкаф.

– Отлично, – касаюсь губами шершавой щеки.

– Тебе тут Люба звонила.

– Люба?

С Григорьевой мы до сих пор поддерживаем связь, но созваниваемся нечасто.

– Да. Просила перезвонить, как придешь. Чай будешь?

– Буду. Я тогда быстро ей звякну.

– Хорошо, буду ждать тебя на кухне.

Киваю и сажусь на пуф у стационарного телефона, набирая Любкин номер из записной книжки. После протяженных гудков Григорьева берет трубку. Ее сонный голос вводит меня в замешательство.

– Прости, у вас же сейчас часов пять, – прикусываю губу.

– Ага, – зевая, – хорошо, что сегодня воскресенье.

– Что-то случилось? Ты просила перезвонить.

– Да… я просто не знаю, в курсе ты или нет, но тут кое-что произошло.

– Что-то с бабушкой? – перестаю дышать, слегка подаваясь вперед, сжимая пальцами телефонный провод.

– Нет, с Вандой Витольдовной все хорошо, мама к ней вчера заходила. Тут в другом дело…

– Люба, не томи, что случилось?

– Анфиска беременна.

– Кто?

– Мартынова.

– Не думаю, что эта новость… – обрываю себя на полуслове. – От него? – шепотом.

– Да, от Доронина. Не знаю, может, не стоило мне, просто я подумала, что…

– Все нормально, – киваю, – все хорошо. Я за него рада. Ты прости, я тут только пришла, в душ хочу ужасно.

– Марин, ты…

– Извини, что разбудила. Пока, – нервно усмехаюсь и кладу трубку.

Глава 7

– Регина, кофе сделай, – прохожу мимо секретарши в Лукьяновский кабинет.

Захлопнув дверь, сажусь в кресло, закидываю ноги на стол и достаю из пачки «Мальборо» сигарету. Прикуриваю, морщась от пронзительного и действующего на нервы шума распахнувшейся двери, ручка которой звонко ударилась о стену.

С интересом наблюдаю за вбежавшим Маратиком, который мечется в пространстве.

– Чего хочешь? – стряхиваю пепел.

– Это правда?

Смотрю в его бегающие глазки, подмечая, с какой силой пальцы впиваются в ручки кресла, на которое он наконец-то садится.

– Что именно?

– Тогда, это ты меня упрятал? Я полгода на нарах просидел из-за тебя?

Опустив ноги на паркет, делаю глубокую затяжку, выдыхая дым в сторону оппонента.

– Правда.

Лукьянов вскакивает, намереваясь упереться ладонями в поверхность стола.

– Сидеть, – реагирую на его выпад, – спокойно. Это была вынужденная мера.

– Интересно, – кивок, – я тебя услышал. А теперь послушай ты, – все же упирается пальцами в глянцевую поверхность моего стола, слегка над той склоняясь, – я забираю свою долю и ухожу.

– Долю где?

– В нашем деле, – с напором.

– Не понимаю, о какой доле ты говоришь.

– Что?

– Хочешь уходить, вали, я не держу. Как бонус можешь оставить себе казино и ресторан, но на завод – захлопни пасть.

– Там есть моя доля.

– На словах, только и всего. Но мы оба знаем, что твое слово ничто по сравнению с моим.

– Сука!

– Пораскинь мозгами, кто ты? Безбашенный отморозок, подставившийся бесчисленное количество раз. Решив сдать меня, ты сдашь с потрохами и себя. Пока мы в одной упряжке, ты можешь делать абсолютно все, что тебе заблагорассудится. Все что угодно.

– А если я пристрелю тебя здесь и сейчас, а, Доронин?

Марат вытаскивает из-за пояса пистолет, направляя в мою голову. Страшно ли мне? Наверное, уже нет… сцепляю руки в замок, слегка отталкиваясь носком ботинка от пола, и кресло слегка откатывается назад.

– …а если пристрелишь, то какое-то время будешь пытаться прибрать себе завод, правда, безуспешно. Забухаешь, пристрелишь кого-нибудь не раз, но в конечном итоге подставишься. Я даю год, да, примерно год ты пробегаешь самостоятельно, после чего тебя либо посадят, либо пристрелят, хотя нет, убить у них не выйдет. Но тебе придется прятаться, бабло кончится, весь бизнес, который сейчас держится на мне, растащат по кускам. И если ты попадешься, никто больше не вытащит тебя на волю, и ты это знаешь. Кстати, Люда в больнице, – намеренно смотрю ему в глаза.

Марат играет желваками, злится, он все понимает и даже уже принял решение. Пальцы, до этого с силой сжимающие рукоятку, ослабли, черты лица смягчились, а информация про Люду выбила его из колеи окончательно. Он рассеянно провел пятерней по волосам, а взгляд коснулся моей телефонной трубки на столе. Марат потер запястье, задирая до этого опущенную голову.

– Она опять…?

– Пока ты тр*хаешь других баб, она все плотнее садится на дурь.

– Она знает?

– Хреновый из тебя конспиратор.

– Она не понимает, – проводит тыльной стороной ладони по лбу, опуская ствол.

Конечно, она не понимает, зато все это понимаю я. У Лукьяна новая садистская забава, он никогда не отличался гуманностью, ему по щелчку сносило башку от запаха и вида крови, с каждым годом ситуация лишь усугублялась. Он настоящий маньяк, умеющий тщательно это скрывать. Его комиссовали из армейки после нехилой черепно-мозговой, видимо, там последнее и отбили.

Как давно я это знаю? Очень давно. Почему держу рядом с собой? Потому что так спокойно могу контролировать его действия по тем направлениям, которые мне нужны. Плюс он с азартом и охотой делает за меня всю грязную работу. Его группа – настоящая находка, когда хочешь быстро и чисто расправиться с неугодными, к тому же все эти отморозки вызывают у людей страх одним своим видом.

Правда, во всей этой схеме есть лишь один не учтенный мной минус – сестра. Она всегда питала слабость к идиотам и убийцам, Маратик не стал исключением. Убить он ее не убьет и боли не причинит, иначе бы не бегал налево для удовлетворения всех своих садомазохистских потребностей.

– И я не думаю, что захочет понять. Убери ствол и успокойся.

Поднимаюсь и, обойдя стол, достаю из глобуса бутылку коньяка, разливая жидкость по объемным стаканам.

– Выпей и внимательно послушай. Пока ты со мной, то всегда можешь рассчитывать на помощь, при этом делая все что вздумается. У тебя полная свобода, и ты это знаешь. Я посадил тебя тогда ради твоей же безопасности. Ты, – отгибаю указательный палец, до этого касавшийся стекла, и направляю в сторону Лукьяна, – спал с моей сестрой, когда эта дура была бабой Аккорда. Он бы закопал вас живьем.

– Ты знал?

– Я всегда и все знаю. Работа у меня такая – все знать, – допиваю содержимое, возвращая бокал на стол с тихим стуком.

– Если я действительно выйду из игры…

– То можешь забрать «Сапфир» и казино в «Глобусе», это все.

– А если я тебя все же пристрелю?

Марат проводит языком по нижней губе, обнажая зубы. Его каркающий смех разлетается по кабинету.

– То не получишь и этого. Поверь, найдется немало тех, кто решит прибрать все это к рукам. И не забывай, что со мной ты на равных, с кем-либо другим будешь мальчиком на побегушках, псом, который будет кусать по команде «фас».

***

Домой возвращаюсь за полночь, смотрю на огромные швейцарские часы в гостиной, наблюдая за тем, как движется стрелка. Снимаю запонки, галстук, беру из бара бутылку пятнадцатилетнего виски и присаживаюсь на широкий угловой диван, обтянутый кожей жирафа.

Несколько раз переключаю каналы надоедливо шумящего телевизора и делаю первый глоток, растворяясь во вкусе и запахе виски.

На втором этаже происходят какие-то передвижения, морщусь, прекрасно зная, кому они принадлежат. Я полный идиот, которого умело окрутила жадная до бабок девка. Мартынова всегда появлялась в нужный момент и виртуозно терпела мои заскоки. Ныла, но все равно возвращалась. Она из раза в раз становилась свидетельницей ситуаций, не предназначенных

для ее ушей и глаз, поэтому у меня было всего два выхода: пристрелить или же держать на коротком поводке. И я, почему-то, всегда выбирал второе.

Смешно, но как итог, сам на нем и оказался, на этом поводке.

Новость о ее беременности стала отрезвляющей от всего происходящего вокруг. Проблемы, которые мне принесла новая «работа», теперь казались пылью, стоит дунуть – и они развеются. С Анф же все было сложнее.

Первой и самой здравой мыслью было отправить ее на аборт, но даже здесь эта сучка в очередной раз сыграла на жалость, не мне, нет. Она прямиком поперлась к моей матери, валяясь там на пузе и стоя на коленях, умоляя ее на меня повлиять. Мама, конечно, не заставила себя долго ждать, надавила на самое больное, Маринку, нашего с ней ребенка и то, что я никогда не смогу себе простить еще одну потерю.

Где-то она была права, я действительно об этом задумывался, анализировал и больше чем часто приходил к данному выводу.

Наверху вновь послышался шум, после которого Анфиса спустилась в гостиную.

– Я так тебя ждала, – довольно улыбнулась, присаживаясь рядом.

Ее длинные наманикюренные пальцы потянулись к моему плечу, едва касаясь ткани пиджака.

– Как прошел день? – облизала губы.

– Нормально.

Все ее прикосновения вызывали тошноту. Исключением было лишь состояние полнейшего опьянения. Я ни разу не притрагивался к ней в трезвом уме. Ни разу…

– Я тут подумала, может быть, уже начнем делать детскую? Была в одном магазине и…

– Все сделают без тебя. Не думай, что задержишься в этом доме, после того как родишь. Поняла меня?

– Это мой ребенок.

– Прежде всего он мой. А ты просто инкубатор, без права выбора и голоса. Поняла меня? – придвигаюсь ближе, поддевая пальцем ворот ее футболки. – Не слышу.

– Поняла, – кивок, – а ты не думаешь, что я могу его убить? – тонкая бровь поползла вверх, а на губах загорелась триумфальная улыбка. – Или просто сделать его калекой? Представь, какая это будет трагедия, а кто виноват Саш, а? Ты, наш папочка.

– Ты отдаешь себе отчет в том, – касаюсь ладонью ее горла, – что говоришь? – сдавливаю тонкую шею, слыша ее тихий хрип. – Я так не думаю. Если ребенок родится больным, я тебя убью, если он умрет – убью, если ты еще хоть раз заикнешься о подобном – убью, ну и на финал, если решишь сбежать, найду и посажу на цепь. И я сейчас не в переносном смысле, – разжимаю захват, и Анф сразу хватается руками за свое горло.

– Больной ублюдок.

– Очень надеюсь, что ты меня услышала, – оставив бокал на столике, поднимаюсь с дивана, – ты же сама в это влезла. Зачем ходила к моей матери? Чего добивалась?

– Чем она лучше, Доронин? Она тебя бросила, предала, она убила вашего ребенка, но ты продолжаешь ненавидеть всех вокруг, кроме нее, – захлебываясь слезами.

– Ваше главное отличие в том, что она никогда даже мысли не допустит о том, чем ты мне здесь угрожала.

– Она тебя предала!

– Я ее тоже. Разговор окончен, заткнись и вали наверх.

Мартынова вскакивает с дивана и бегом несется на второй этаж. Смотрю ей вслед и, выключив телевизор, выхожу на улицу, не хочу оставаться в этом доме.

– Глеб, – говорю в рацию, – пусть водитель подгонит машину, я уезжаю.

Из особняка возвращаюсь в свою городскую квартиру, спать ложусь в костюме на диване, не выключая свет. Меня мгновенно вырубает, а просыпаюсь я лишь утром, от громкого голоса Глеба.

– Александр Николаевич, пора ехать. Регина сказала, что вы вчера назначили совещание и уже опаздываете на двадцать минут.

Разлепляю глаза.

– Пусть она их разгонит.

– Не думаю…

– Александр Николаевич, – вопль из динамика мобильного, стоящего на громкой связи, – это важное совещание, вы же помните, что…

– Выключи ее, скажи, что еду.

Глава 8

– С днем рождения! – протягиваю Сашке завернутый в синюю бумагу подарок.

– Спасибо, – откладывает в сторону, даже не взглянув, – а отец где?

– У него много работы и…

– Понятно, – поджимает губы, укутываясь одеялом, демонстративно отворачиваясь к стенке.

– Саш, – касаюсь мальчишеского плеча, – может, в кино сходим? На карусели можно. Куда ты хочешь? Разве лучше просидеть целый день дома? Смотри, какая погода, – подхожу к окну, расшторивая занавески.

– Лучше. Уйди.

– Ладно, как хочешь, – вздыхаю, – только от того, что ты здесь будешь лежать и дуться, отец домой быстрее не придет.

Выхожу из комнаты, а когда закрываю дверь, вся моя бравада резко угасает. Мне его жаль, искренне жаль. Костя почти не уделяет ему времени, да он его никому не уделяет, лишь грезит внеочередным званием. В общем, дело гиблое, и если я совершенно не акцентирую внимание на его отсутствии и, наверное, наконец начинаю жить своей жизнью, то Сашка – его ребенок, который очень нуждается в отце.

Пробегаю пальцами по волосам и, взглянув на закрытую дверь, ухожу на кухню. Достаю мясо, овощи, крупу, чтобы приготовить плов. По радио играет веселенькая музыка, под которую я слегка пританцовываю.

У меня хорошее настроение, правда хорошее, даже несмотря на то, что недавние новости очень выбили меня из колеи. Сообщение об Анфискиной беременности стало шоком, но разве я имею право обижаться или предъявлять претензии? У людей своя жизнь. У Доронина своя жизнь, где я больше не занимаю абсолютно никакого места. Тогда почему я должна ненавидеть? Злиться, убивать свои нервные клетки, которых и так осталось немного?

Да, я многое осознала, да, я жалею, что уехала. Жалею, что утопила себя в горе. Жалею, что оттолкнула. Только какое это теперь имеет значение? Мы в состоянии переоценить ситуацию, но, к сожалению, зачастую это осознание приходит к нам лишь тогда, когда уже невозможно повернуть назад.

Я правда хочу для него счастья, если Доронин нашел его с Анф, значит, так было суждено с самого начала. Она лучше меня тем, что всегда сможет принять его сторону. Я же делала это лишь на словах.

Со временем боль уходит, а когда тебе больше не больно, то у тебя совершенно нет надобности ненавидеть. Открывается второе дыхание, и ты хочешь жить. Просто жить и наслаждаться каждой прожитой минутой. Дышать, говорить, улыбаться, влюбляться… с последним у меня пока еще проблемы, но я уверена, что когда-нибудь смогу и это.

– Теть Марин, вы обещали карусели… и я подумал…

Сашка появляется за спиной неожиданно, и от его слегка напугавшего меня голоса я роняю нож.

– Напугал? – поднимает и протягивает ножик рукояткой вперед.

– Немного, – подставляю лезвие под теплую воду.

– Так что с каруселькими? – чешет голову, забавно морща нос.

– Пойдем, – дорезаю мясо, выкладывая его на сковороду, – я сейчас закончу, и поедем. Ты пока умойся и приходи завтракать.

Весь день мы с Сашкой развлекаемся. Парк, карусели, кино, мороженое, за все время, что он с нами живет, это первый раз, когда он искренне мне улыбается, рассказывает, что-то спрашивает. С ним весело, настолько, насколько это может быть с десятилетним ребенком,

наверное, сейчас мы вместе учимся наслаждаться моментом заново. Каждый из нас пережил потерю, горе, и это объединяет. Возможно, встреча с Костей была не случайна, именно из-за этого ребенка.

– Теть Марин, это было клево, – вытягивает большой палец, облизывая верхушку сливочного мороженого в стаканчике. – Вы видели, как я ездил?

– Видела, ты молодец, – поправляю лямку сумки, сидя на лавочке в парке аттракционов.

– На мой прошлый день рождения мы с бабушкой ездили в дельфинарий, – садится рядом, начиная болтать ногами. – Вы видели дельфинов?

– Да.

– Они красивые, правда?

– Очень.

– А на море были?

– Я много где была, – пожимаю плечами.

– Вы были богачкой?

– Наверное, да, – киваю.

– Я тоже хочу быть богачом, хочу настоящий самолет, на котором буду летать на край света.

– Главное, помни, не все измеряется богатством.

– Ладно, – склоняет голову вбок, – зачем вы с нами живете? Вы же не любите папу, – хмурится, смотря вдаль и продолжая уплетать мороженое.

– Дети все видят, да?

– Да. Я всегда знал, что вы его не любите.

– Твой папа хороший. Очень хороший.

– И потому забыл про мой день рождения.

– У него много работы.

– Когда я жил с бабулей, то он даже не приезжал. Я для него обуза.

– Нет, ты не прав. Просто он не знает, как с тобой общаться. Он привык, что на работе все по уставу, приказали – сделал, не приказали…

– Не сделал?

– Ну почти.

– А когда вы кого-то полюбите, вы от нас уйдете? – оборачивается ко мне. – Мне будет вас не хватать. Вы хорошая.

– И поэтому ты целый год меня не слушал.

– Я к вам присматривался, – хитро подмигивает, – бабушка говорила, что чужим верить нельзя. А вы были чужая.

– А сейчас не чужая? – усмехаюсь.

– Не, сейчас уже наша, – выбрасывает в урну бумажку от съеденного мороженого.

– Домой?

– Может, в тир?

– Я не умею стрелять.

– А я научу, пойдемте, – соскакивает на землю, поправляя джемпер.

– Ну пойдем постреляем…

Глава 9

– Саша! – мама взволнованно вошла в мой кабинет, на ее лице горела теплая улыбка. – Анфиса родила мальчика.

Я поднял взгляд и вмиг метнул его к окну.

– Он такой крошечный, хороший, – присела на диван, продолжая глупо улыбаться.

От ее слов во мне ничего не дрогнуло, это была такая же обыденность, что и за тысячу дней до. Сбросив некое оцепенение, я лишь убрал в стол бумаги, потянувшись к бутылке виски.

– Ты останешься дома? – многозначительно взглянула на початый виски.

– А у меня есть надобность куда-то ехать?

– Ты должен.

– Я? Должен? Кажется, ты меня с кем-то перепутала.

– Ей нужна твоя поддержка, как бы ты к ней ни относился. И вообще, не важно, какие у тебя отношения с Анфисой, в первую очередь это твой ребенок. Слышишь меня?

– Ага, – киваю на автомате, делая первый глоток.

– Я тебя не так воспитывала, – мгновенный упрек летит мне прямо в лоб.

Мама раздраженно взмахивает рукой, продолжая прожигать меня взглядом.

– Ну, за наследника, – усмехаюсь, опустошая стакан.

– Значит, ты останешься здесь?

– Езжай домой, мам, – говорю спокойно и очень хочу, чтобы она наконец-то ушла.

– Ладно.

Каждое ее движение пропитано недовольством, но она, конечно, не озвучивает его словесно. Просто поднимается с дивана и выходит за дверь.

Наливаю еще и, не притронувшись к бокалу, приказываю подать машину.

В клинике тихо, слишком тихо. Коридоры пусты, словно все здесь вымерли. Правда, стоит мне об этом подумать, как Борисов, появившийся из-за угла, идет в мою сторону. Остановившись напротив, пожимает руку и самолично проводит в палату.

Анфиска лежит на полуприподнятой кровати с младенцем на руках. Увидев меня, сильнее прижимает к себе ребенка, впечатываясь спиной в подушку.

– Александр Николаевич, если что, зови, кнопка вызова персонала на панели.

Указывает на пульт, лежащий на тумбочке, и спешно покидает пространство палаты.

Анфиска настороженно наблюдает за моими движениями, сохраняя на лице маску холоднокровия. Но стоит мне сделать еще шаг навстречу, и ее руки полностью закрывают от меня ребенка.

– Я тебе его не отдам, – наконец-то подает голос, – ни за что не отдам.

– Я не собираюсь его забирать, ты мать, – останавливаюсь совсем близко, а взгляд сам мгновенно приковывается к бледно-голубой пеленке, в которую завернут младенец.

– Тогда зачем ты пришел?

– Тупой вопрос.

– Ты правда его не отберешь?

– Правда.

– Хорошо, – кивает и нерешительно разжимает пальцы, предлагает мне взять его на руки. – Главное, придерживай ему голову, – широко улыбается, подаваясь вперед.

Ощущаю под ладонями этот теплый завернутый в пеленки комок, и дыхание замирает. Легкая дрожь, зародившаяся в пальцах, пронзает все тело. Перекладываю его на левое предплечье и осторожно убираю кусок ткани от маленького личика. Крошечный нос привередливо морщится.

– Он такой хороший, правда?

Анфиска вновь подает голос, но у меня в горле встал сухой ком, не позволяющий дать ей сразу хоть какой-то ответ. Лишь киваю, продолжая смотреть на ребенка.

У него длинные реснички и огромные щеки. Натуральный хомяк.

– Я думала, как его назвать. Может быть, Игнат?

– Нет, – отрицательно качаю головой, – Даниил.

Анфиска с улыбкой примеряет имя на отчество и фамилию, что-то говорит, но я пропускаю все это мимо ушей. Даниил, Даня – такое солнечное имя… пустота внутри заполоняется дымкой, пронизанной светом.

Меня поглощает странное, непередаваемое и не испытываемое до сегодняшнего дня чувство. Это мой ребенок. Настоящий, крошечный, теплый… прикрываю глаза, стряхивая всплывающие воспоминания, и сразу отдаю его Анфиске. Сжимаю кулаки и хочу поскорее отсюда уйти.

– Борисов сказал, что через пару дней ты сможешь вернуться домой.

– К родителям? Ты его заберешь?

– В особняк, тебе приготовят комнату. И если мне не изменяет память, ты хотела спроектировать детскую?!

– Хотела.

– С этим тебе тоже помогут, – скинув с плеч халат, иду к двери.

– Саш, я тебя люблю, – шепчет вслед, а когда я оборачиваюсь, глупо улыбается.

– Я постараюсь приехать на выписку.

Анф прикусывает нижнюю губу, растерянно кивая.

– Мы с Данечкой будем тебя очень ждать. Правда, кроха? – склоняется к малышу.

Я же выхожу в коридор с одной единственной мыслью: «У этого ребенка будет все, абсолютно все, чего он только пожелает. Это я ему обещаю».

Эпизод третий: В сердце. Глава 10

Пять лет спустя.

Дождливое питерское лето.

Выдавливаю таблетку из блистера, запивая обильным количеством теплой воды, как и говорилось в инструкции. Меня знобит, насморк полностью лишил обоняния, ломота в костях и полная потеря ориентации в пространстве. Надеваю длинный красный мохеровый свитер и, заварив черный горячий чай с лимоном, забираюсь на диван в гостиной, завернувшись в шерстяной плед.

Из недр квартиры раздаются крики, прикрываю глаза, раздражаясь этим дурдомом. У меня жутко раскалывается голова, но они продолжают орать. В какой-то момент Сашка вылетает в прихожую, наспех засовывая ноги в кеды, и, схватив первую попавшуюся куртку, громко, до покалываний в висках, хлопает дверью. Костя выкрикивает нелицеприятные фразы ему вслед и раздраженно пинает валяющийся в углу футбольный мяч.

– Паршивец. Нет, ты видела?

– Что случилось? – спрашиваю без энтузиазма.

– Он совсем от рук отбился. А все ты, вечно ему потакаешь. Сашенька то, Сашенька се. Его в ежовых рукавицах держать надо!

– А может быть, ты хоть раз попробуешь поговорить с ним не как со своими солдатами, а как с сыном? – свожу брови и, скинув плед, иду на кухню.

Кладу чашку в мойку, выдавливая в нее моющего средства.

– Я из него мужика воспитываю.

Натираю чашку, а в голове так и вертится, чтобы он лучше из себя мужика воспитал. Третий год только и слышу нытье о должностях и званиях, которые ему не присваивают. Еще и Питер этот, не могу тут находиться, вечно болею. Год здесь живем, и весь год я лечу насморк, который не проходит. Горло саднит, и желание разговаривать отпадает вообще.

– Ну что ты молчишь?

Костя замирает за моей спиной, прожигая взглядом.

– А что говорить? Тебе мои слова не нужны. Сам разбирайся.

– Да он кроме тебя разве слушает кого-то?

– Любовь у него. Ему пятнадцать лет, это нормально. Себя вспомни?!

– Это не повод вечно огрызаться.

– Это защитная реакция на твои нападки, научись с ним нормально разговаривать, – вытираю руки полотенцем, прикладывая прохладные ладони ко лбу.

– Ты меня еще учить будешь, как с собственным сыном говорить?

– Ни в коем случае, – похлопываю Костю по плечу, – пойду полежу, плохо себя чувствую.

– Знаешь, иногда мне кажется, что, если бы ты могла родить мне ребенка, все было бы…

– Лучше? – интересуюсь вкрадчиво, но улыбаюсь широко, пол земного шарика этой улыбкой осветить смогу.

– Проще, Марина, проще. У нас была бы настоящая семья.

– Это претензия? Так ты, мой дорогой, знал, на ком женился. Да и вообще, я думаю, нам уже давно пора заканчивать этот цирк.

– Что?

– Ты прекрасно все слышал. Я хочу уйти.

– Куда?

– Не знаю. Просто уйти. Я устала, Костя, так от всего этого устала. Я тебя не люблю, – качаю головой, – и никогда не любила, – ловлю его взгляд, – не делай такое лицо, ты это знал. Всегда это знал.

– Значит, я тебя подобрал, а теперь…

– Полегче на поворотах. Сердобольный ты мой. Как я от тебя устала, ты просто себе не представляешь.

– А ты расскажи, – дергает меня за руку, – давай, я послушаю, как тебе плохо жилось.

– Нормально мне жилось. И тебе, между прочим, тоже. Твоих обвинений я не потерплю, даже не надейся. Но нам правда лучше расстаться. Дальше будет только хуже, Кость. Гораздо хуже.

– Значит, ты так решила?

– Да.

Костик с размаху ударяет по торшеру, и тот летит на пол, разваливаясь на несколько частей. От шума и внезапных движений я вздрагиваю, но продолжаю держать на лице непроницаемую маску.

– Дура.

Он еще что-то кричит, ищет тревожный чемоданчик, но, оставив поиски, достает из стенки бутылку водки и, погрозив указательным пальцем у моего лица с воплями в стиле «еще посмотрим», с шумом удаляется из квартиры. Наблюдаю за открытой дверью, через широкую щель которой видна лестничная клетка. Пара шагов, чтобы потянуть ручку на себя и защелкнуть шпингалет. Собрать торшер, налить еще чаю и вновь завернуться в плед.

Правда, сделать это мне не удается. Разрывающийся на всю квартиру стационарный вынуждает проигнорировать тошнотворное головокружение и ответить на этот дурацкий звонок. Первые пару секунд в телефоне лишь молчание.

– Алло?! – повторяю.

– …Марина, слышишь? Марина?

– Слышу, пап, ты?

– Я, дочь.

– Все хорошо? – присаживаюсь на табуретку у трюмо, на котором стоит телефон.

– Бабушка умерла. Ночью.

Кладу трубку, чувствуя покалывание в кончиках пальцев, смотрю в одну точку, часто моргаю, не в силах принять эту новость. Трагичную, жестокую новость.

Как? Разве это возможно? Мы только вчера говорили с ней по телефону, только вчера. А сегодня ее уже нет…

Облизываю сухие губы. У меня нет никакой внешней реакции. Я не плачу, не истерю. Просто сижу и не могу поверить в то, что это правда. В то, что бабули больше нет.

Мамы нет, теперь вот не стало бабушки. Только папа. Самый близкий, но в то же время такой далекий для меня человек. Смахиваю все же выступившую слезинку и, поднявшись на ноги, достаю с антресоли чемодан. Перезваниваю отцу, уточняя, когда он вылетает, и, быстро собрав вещи, заказываю такси в аэропорт.

Озноб нарастает еще на регистрации, я отчетливо понимаю, как мне плохо. Тошнота, ломота в костях, чужая и не желающая соображать голова и мысли. Много мыслей. Перед глазами детство, бабушка. Ее ворчание и улыбки, смех и жизненные советы. Ее колоссальная поддержка в трудную минуту. Все это было наяву, а теперь осталось лишь в моих воспоминаниях. Она столько для меня сделала, вырастила, помогала, любила. Наверное, ближе и родней ее у меня никого и не было. Она могла раскритиковать в пух и прах, отругать за шалость или дурость, но в любой, даже самой тяжелой ситуации всегда приходила на помощь. Вытирала мои слезы, с уверенностью говоря: «Все будет хорошо».

По прилете в город слышу, что в сумочке разрывается сотовый, но я игнорирую звонки. Папа уже здесь и даже прислал за мной такси. Пара часов до дома, и полные глаза слез. Двор кажется таким родным, но в то же время далеким, воспоминания кружат над головой, и я завороженно смотрю на наши окна. Меня словно переносит во времени. Вечер, лето, пах-

нет скошенной травой, с которой только-только расправился дядь Паша, наш сосед. В окнах горит свет, и двор кажется таким оживленным. Мне лет десять, я стою посреди этих просторов, пробегая глазами по лавочкам, на которых устроились бабули, нескольким уложенным в мангал кирпичикам, сколоченному только утром столику. В детстве соседи часто устраивали здесь посиделки, на таких гуляниях собирался весь двор. Было весело. Неповторимо весело, тепло, душевно. Сердце щемит от этих воспоминаний, от четких контуров бабулиного лица, ее голоса…

Стряхнув это наваждение легким кивком головы, перешагиваю порог подъезда и, тихо цокая каблуками, шум от которых разлетается по этажам, поднимаюсь в квартиру.

Замираю на коврике. Закрываю за собой дверь, а в нос ударяет запах знакомых с детства духов и еще недавно сваренного супа. Так и есть. На газу стоит целая кастрюля, она как раз хотела варить щи после нашего вечернего разговора. Стягиваю сумку с плеча и растерянно присаживаюсь на табурет, вытирая рукавом слезы. Красные глаза и мокрые щеки, которые я интенсивно растираю тканью мохерового свитера, начинает щипать. Всхлипнув, слышу шаги. Папа сжимает мои плечи, целуя в макушку.

– Она здесь? – смотрю в окно.

– В морге. Похороны послезавтра.

Глава 11

– …такой уже большой, – мама сложила Данькину футболку, убрав ту на полку.

– Значит, Испания?

– Думаю, да. Там тепло, да и море все же…

– Ладно, – киваю, набирая Регину, – не спишь? Нужно пять билетов в Испанию. Да, матери, Даньке и три на охрану. Найди виллу, стандарты, как всегда, ты знаешь. Срок два дня, – скидываю, прижимая динамик телефона к подбородку.

– Не хотела бы я у тебя помощницей работать, – мама покачала головой и улыбнулась, – ни днем ни ночью же покоя нет.

– Ей за это хорошо платят, – пожимаю плечами, оборачиваясь на шум.

– Что там происходит? – мама вытягивает шею, прищуриваясь.

– Сейчас узнаем.

Оставляю ее в детской, где спит Данька, и спускаюсь в гостиную. Кинув телефон на диван, выхожу в широкий холл, раздраженно клацнув зубами.

– Руки убери, я сказала, убрал от меня руки! – Мартынова визжит, как резаная свинья, отбиваясь от сдерживающей ее пьяные порывы охраны, – скажи, чтобы они свалили. Все. Тварь, – вопит еще громче, – ты мне платье провал, да ты знаешь, сколько оно стоит? – орет, пытаясь расцарапать лицо тому, кто ее сдерживает.

– Отпусти ее, – складываю руки на груди и в упор смотрю на эту дуру, на месте бы придушил.

Анфиска тяжело дышит, поправляя растрепанные волосы. Мы развелись год назад. Хотя главный вопрос здесь: зачем я вообще на ней женился?! Поддался эмоциям и маминым убеждениям о полной семье для ребенка? Возможно, но не совсем правда. Изначально этот штамп добавлял плюс в мою карму перед электоратом и был выгоден в политических целях.

И если поначалу эта придурь еще как-то пыталась войти в роль заботливой мамаши, то через полгода наружу поперло все ее шлюшье нутро. Кокс, тусы, алкоголь и никакого внимания к ребенку. Данька был для нее объектом, который она старалась использовать в качестве манипуляций.

– Саша, что они себе позволяют?

– Ты зачем пришла? Я тебя предупреждал?

– Я хочу увидеть сына! Это мой ребенок, я его мать!

– Слышь, мать, он хоть тебя помнит вообще? Ребенок-то твой?

Анфиса демонстративно накрыла губы ладонями, пуская из глаз слезы. Ее показушные истерики всегда сидели у меня поперек горла.

– Сашенька, – шагнула ко мне, вцепляясь костлявыми пальцами в футболку, – что ты такое говоришь? Я же его люблю, он же мой сын. Доронин, как у тебя вообще язык поворачивается такое говорить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.